

ИРИНА НИКИФОРОВА

ЯНИНА БЕЛЮСКИНА

Копьево Остров «Детство»

РАССКАЗЫ

**Ирина Никифорова
Янина Белюскина
Копьево. Остров «Детство».
Рассказы**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35735591

ISBN 9785449315755

Аннотация

«Все мы родом из детства...» – вот девиз этой книги. Она посвящена детским воспоминаниям, близким и просто знакомым людям.

Содержание

Ирина Никифорова	5
Копьево	5
«Войнушка»	37
Аська	48
Дача	58
Сон	67
«Розовые» очки	75
Сосед	83
«Приёмьшка»	93
Поход	101
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Копьево. Остров «Детство» Рассказы

**Ирина Никифорова
Янина Белюскина**

© Ирина Никифорова, 2018

© Янина Белюскина, 2018

ISBN 978-5-4493-1575-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ирина Никифорова

Копьево

*Посвящается памяти моих
любимых бабушки Лины
и дедушки Григория Ланиных.*

Каждое утро начинается с того, что Иринка открывает глаза и кричит: «Бабуля!». «Проснулась, егоза,» – отвечает бабушка с кухни, где уже что-то весело «шкворчит» на сковороде. «Ох, и горазда ты спать! Проспишь Царствие небесное!».

«Что еще за Царствие?» – думает Иринка, – вечно бабушка со своими присказками».

Бабушка заглядывает в комнату из-за вишневой занавески с бахромой.

– Набегалась вчера, так седня всю ночь во сне пиналась.

Иринка прячется под одеяло, закрывается с головой.

– Вставай, соня – засоня! Завтракать пора!

– Ба, а сегодня пирожки с малиной будут?

– Здравсьте, ваша Настя! А кто её собирал, малину-то?

Солнечные блики играют на лакированной дверце большого коричневого шкафа. Хорошо под пуховым одеялом

на пуховой перине, но... надо вставать.

Иринка бежит по полосатому половику на кухню, бьет рукой «язык» умывальника, вода течет по руке, брызгами разлетается, ударяясь о дно желтого эмалированного таза с отбитым краешком.

«Так! Теперь протереть лицо полотенцем, натянуть на себя платье. Что еще? А! Расчесать волосы».

...На лакированном комодe зеркало на подставке. Чтобы увидеть себя – надо встать на цыпочки. Она причесывает свои непослушные волосы, наспех заплетает косу и разглядывает открытки и фотографии, воткнутые за зеркальное стекло. Больше всего ей нравится приглашение на свадьбу от бабушкиного племянника из далекой Украины. Фото жениха и невесты в овальных рамочках и красивые напечатанные буквы. Иринка думает, что когда вырастет и замуж пойдет – тоже всем такие приглашения красивые пришлет.

«Кто придумал эти косы? Вырасту, обстригу. Наказание одно!»

Вроде все! Можно в сад за малиной!

Она выскакивает в сени, открывает дверь в кладовку. Там стоят корзинки разных размеров – дедушка сам плёл. В кладовке еще много интересного, но сейчас не до этого. Берет корзинку, бегом на крыльцо, открывает щеколду калитки. Вон они – кусты малины, за яблонями у самого забора. Когда дедушка живой был – росли двумя ровными рядами, а сейчас разрослась малина – целые заросли.

В саду «девчонки» качаются приветливо. Это бабушка так цветы называет на тонких длинных стеблях. Уже яблочки висят! Но они еще зеленые, их есть невкусно. А вот малина! Крупные красные ягоды так и просятся в рот! Вкуснотища! Ничего нет вкуснее малины с куста!

Сначала в рот, потом в корзинку.

– Да куда же ты уже убежала? – кричит бабушка в открытое окошко.

– Малину собираю!

– Вот шустрая! Ладно, собери немного, но пироги на обед только сделаю, тесто еще не «дошло», а я тебе уже колбасы пожарила. Иди быстрее, остынет.

– Лан!

Еще немного малины в рот, немного в корзинку и в дом.

.... Бабушка ставит перед Иринкой сковородку с поджаренной колбасой и яичками, вазочку с вареньем из садовых ранеток, наливает ей кружку чая из никелированного электрического самовара, горделиво стоящего в центре стола. Рядом со столом на стене висит «численник». Бабушка отрывает очередной листок календаря, садится недалеко от стола на круглый табурет с черным кожаным сиденьем, прижимается к печке спиной и медленно читает вслух про заход и восход солнца, долготу дня и полезные советы с обратной стороны. Вспоминает:

– А сегодня именины Григория, дедушки твоего, значит. Ох, гуляли, помню. Вся родня понаедет, а родня большая:

у него два брата да три сестры с семействами, да мои... Шаньги настряпаем... целый таз, котлет, пирогов, соленья-варенья. Весело! Он на гармошке играет...Помнишь, хоть немного деда-то? Как играл тебе? Он как заиграет, бывало, а ты в пляс! Целый концерт! Смеемся...

* * *

Воспоминания о дедушке как-то ускользают. Иринка только помнит, что у него была совсем голая голова – без волос. И что он купил ей уточек, и, она гордо везла их по проулку за веревочку: маму-утку, за ней маленьких утят, а дедушка рядом шел довольный. И что ходили они в кино втроем. Фильм про «кубанских казаков», наверное, раз пять смотрели.

А еще она помнит лето, как лежал дедушка все время в комнате. Бегать туда и шуметь запрещалось. Потому она только заглядывала иногда за шторку – спит дедушка. Всё спит и спит, почти не ест – болеет.

Иринка знает давно, что болеть – это плохо. Заставляют лежать весь день в кровати, в носки горчицу засыплут и спать в них велят, а еще градусник под мышку ставят. Но хуже, когда картошки наварят, поставят возле кровати кастрюльку – «дыши под одеялом»! А под ним жарко, от кастрюльки пар идет. Кому это может понравиться? Но еще хуже – когда уколы делают. Это, значит, сильно болеешь.

Дедушке тоже ставили тогда уколы – значит, сильно больной был.

«Догнала война проклятая», – сказала как – то раз баба Шура и заплакала. Баба Шура – бабушки сестра. Она к ним каждый день приходит, потому что ей скучно, наверное. Она одна живет. У неё муж с войны не вернулся.

А Иринка тогда подумала: «А чего плакать? Войны-то никакой давно уже нет», и еще она думала, что дедушка поправится. Как же без него? Он этот дом построил и сад посадил. Ни у кого в поселке сада такого нет: ранетки, яблоньки, кусты всякие, а главное, сирень. Её кустики дедушка привез аж из Ижевска. Это город такой на Урале, где Иринка родилась. Очень этими кустиками гордился. Прижилась сирень, вырослась, теперь уже выше бабушки. А еще он помогает всем бабушкиным сёстрам. У них мужей нет, зато детей много. Так что дедушка «один за всех» – раз живой вернулся.

А потом – ТО лето закончилось, Иринка с мамой уехали обратно в город, а весной принесли телеграмму, мама прочитала и заплакала. Не стало дедушки.

...Иринка этим летом случайно увидела странные фотографии в альбоме. Лежали они в черном пакете. Он их вытащила, а там разные люди в гробах. Несколько фотографий дедушки. Лежит, цветочки кругом. Вроде спит и всё, но как-то жутковато. Иринка эти фотографии не любит, побаивается, больше в пакет не заглядывает.

В-общем, мало она помнит о дедушке. Обидно! Но часто

просит маму или бабушку про него рассказать. И знает, что дедушка шофером был и водил машины по «дороге жизни» в Ленинград. Мама говорит, что не любил он войну вспоминать. А еще с войны он привез ковер – на стенке возле кровати висит. Перед сном так интересно на нем узоры разглядывать. Они на человечков похожи.

Над ковром висят две большие фотографии – молодые бабушка и дедушка. Так что он всегда дома. Смотрит со стенки: «Как ты, Иринка, себя ведешь?» Это бабуля так говорит. «Так не бывает, но не спорить же с ней?»

* * *

...Вылавливая ранетку из варенья за скользкий хвостик, она отвечает, наконец:

– Помню только, как уток мне купил, которых на веревочке катать можно... и как в кино ходили и еще... фотографии делать к фотографу.... И как деда на кровати лежал в той, вон, комнатке, а я к нему заглядывала. А гармошку... не помню. А именины, это день рождения, что ли?

– Нет, именины – это день Святого покровителя. Как родишься, ангел тебе приставлен. Он тебя всю жизнь оберегает. А как покрестят, так имя тебе дадут – это из Святцев, и чье имя – тот тебе и покровитель тогда. Вот тебя в честь святой великомученицы Ирины назвали. Именины отмечают, не когда сам родился, а когда родился «святой».

– А мама говорит, что в честь бабы Иры меня назвала. А как это «покрестят»?

Бабуля сердито поджимает губы.

– Сейчас не крестят. Это раньше порядок такой был. А теперь... вырастешь – сама разберешься.

Она задумчиво глядит в окно, потом добавляет:

– А имя? Назвала и назвала – уважает, значит, сестрицу мою. А ее в честь великомученицы назвали, – говорит бабуля. – Только она не Ирина, а Арина.

– Вот почему ты меня Аринкой называешь часто...

– Привычка...

...Бабу Иру-Арину Иринка любит. Она полная румяная и добрая. Столько разных историй знает! Её бабуля – Лина – улыбается редко, а баба Ира – самая веселая из бабушек. И детей у нее больше, чем у всех: дядя Юра, дядя Гена, дядя Владик и тетя Нина. И муж у неё, оказывается, совсем даже не погиб на войне.

Прошлым летом прибежала сестра Людка – дочь дяди Гены:

– Хочешь на деда моего посмотреть?

– Конечно!

Тихонько подошли они тогда к забору возле столовой. В зарослях огромных лопухов спал страшный старый косматый дед в грязной одежде, прижав к груди какую-то котомку. Вот, значит, он какой – дед Прокоп!

Попросили тогда бабу Иру про него рассказать, про деда этого. Она долго отнекивалась, но потом «сдалась»:

– Ладно, слушайте! ... «Выскочила» замуж за него. А как же! Приказчик в лавке – умный да шустрый. А характер не распознала. Вот вырастите – глядите в оба! Потом чтобы битыми не быть. Сначала ничего жили, он и после революции в торговле был – кооперацией заведовал. Накупит отрезов мне на платья, а шить – носить не дает. В сундук всё складывал. Уже тогда драться начал...

«Драться – плохо», – это Иринка твердо знает, но баба

Ира рассказывает, как убегала от него по деревне, а он за ней с топором и... смеется:

– Вот так и жили!

– А потом?

– А потом... посадили его, проворовался. Аккурат перед войной. Все воевали... сколько народу полегло, а он на Колыме сидел целых пятнадцать лет. «Герой!» Как вспомнишь, как остались мы тогда... ребятишки маленькие, одна комната в бараке... всё изъяли... пошла в столовую «посудомойкой». Ничего! Родни полно, помогли... подросли ребятишки, я до зав. столовой «поднялась». Почет, уважение. А потом... недостача. «Чужого» сроду не брала, чего где не так посчитала – не знаю, но чуть в тюрьму не угодила. Спасибо, Григорий корову продал – недостачу покрыл, век не забуду!....

– А потом?

– Вернулся Прокопий. Зачем приняла? Думала: «Легче будет, да «горбатого могила тока исправит». МУка одна! К каждому «фонарному столбу» ревновал. Вроде снова в магазин заведующим пристроился, а как выпьет – «дурак – дураком». Не знаю, как и жива осталась. А в милицию раз сунулась – «нету состава преступления». Вот так! «Убьет, мол, меры примем – посадим».

Она опять смеется.

«Интересно, как это к фонарному столбу можно ревновать? – подумала Иринка. – Но взрослые такие все чудные,

всё у них какие-то любви, ревности. Лучше не спрашивать! Опять смеяться будет».

– А как сыновья выросли, выперли мы его из дома. Хватит – натерпелись! Дети учиться уехали, в «люди вышли». Юрий теперь главный инженер в Кемерове, Владик – инженер в Томске, Нина – учительница, Геннадий только учиться не захотел, шоферит. Все хорошие, непьющие, семейные. Вот так! А этот – пошел бродяжить. Дети еще удумали: «Будем скидываться – деньги отцу давать». Тут я поднялась: «Только попробуйте! Будете ему помогать – разругаюсь со всеми! Чего он для вас доброго сделал? Сколько крови выпил! Ребятишкам сколько нервов помотал?

Она ненадолго замолкает, вспоминает, потом говорит нехотя:

– А однажды... чуть ведь не спалил нас. Хорошо мама твоя спасла, – кивает она Иринке. – С кавалером с танцев шла. Глянь, у нас крылечко горит. Кинулись, потушили, растолкали нас. А мы спали все! Так бы угорели и делов! Уехал, долго не было, а тут, смотри, наповадился каждое лето сюда «полкать», Нину позорить. Побирушка чертов! Сказала ей: «Увидишь, гони метлой «поганой». А при мне сунется – убую, прямо!

Но Иринка чувствует, что она боится его до сих пор. Она многого боится – темноты, плохих примет, сглаза.

– А сундук с отрезами где? – поинтересовалась Людка.

– А, пропил всё после «отсидки»! Я этот окаянный сундук

всю войну берегла. Он так велел! Только одно платье Нине пошила. Да и бог с ним, «не жили богато – нечего начинать».

«Хорошая бабушка, – думает Иринка. – Жаль только, редко гостит здесь, в Копьево, а больше в Томске с сыном Владиком живет. У того жена умерла, а сын Женька еще маленький, вот она и помогает».

А у Людки мама – тетя Люба. Баба Ира её не очень «жалует», Иринка слышала как-то, как она говорила, что Гена зря на «необразованной» женился, «приворожила», зараза». Иринка тетю Любу видит редко, но знает, что на работу та ходит в ярком жилете. Она на железнодорожных путях работает, шпалы чистит. А это ведь очень важно – чистить шпалы, чтобы поезд быстрее ехал.

В этом году тетя Люба всех ребятишек захотела собрать у фотографа, чтобы фото сделать общее. Две недели собирались. Надо же нарядиться и волосы причесать красиво.

Фотограф расставлял всех долго так и сяк в небольшом садике возле деревьев, затем направил на них «глазок» деревянного ящика на ногах. «Не шевелитесь! Сейчас птичка вылетит!» Иринка знает уже давно, что никакой «птички» нет, это он говорит, чтобы никто не крутился. А Нинка-сестра, всё птичку ждала, потом всю дорогу спрашивала: «Куда птичка делась?». Сказала ей, что «она – пурх! – и уже улетела в гнездо на дереве». Та расстроилась, что не увидела.... А что ей объяснишь? Маленькая еще....

Иринке часто бабушка с дедушкой фотографа приглаша-

ли домой, а потом (когда она подросла) все вместе к нему ходили. Бабушка платье черное с блестящими полосками одевала, дедушка – костюм, а ей платье в ателье шили....

...А дед Прокоп неделю бродил тогда по поселку, пугал ребятишек, ночевал у столовой. Однажды Иринка шла из магазина и увидела, как подошла к заборчику тетя Нина, сунула ему быстро сумку с едой, денег из кошелька достала. Ушла торопливо, дед долго смотрел ей вслед. На следующий день Людка сказала: «Уехал».

«Конечно, тете Нине, наверное, жалко папу своего, хоть он и страшный такой. Она хоть и строгая, но добрая». К ним с бабушкой она часто приходит. В детстве она Иринку научила книги читать. А еще она приносит им вкусные конфеты и колбаску, и творог со сметаной. Сует бабушке, та сердится, отмахивается. Но как с ней можно спорить? Она же – учительница, да еще немецкого языка в школе.

Она всегда быстро забегает в дверь и с порога говорит: «Ой, знаете, этот Левка...». Лёвка – это её муж-дядя Лёва. Это ему отец такое имя придумал. На весь поселок он один – Лев.

Тетя Нина своего «Лёвку» почему-то не очень любит, ругается с ним часто. Иринка один раз услышала, как баба Ира рассказывала кому-то, что хоть Нина и «засиделась» – идти за него не хотела. А потом все же вышла, и у них родились две девочки-двойняшки.

Иринка ту осень, когда они родились, хорошо помнит.

Она тогда в школу еще не ходила, поэтому весь год у бабушки жила. Утром рано заехал за ними на большом автобусе дядя Гена. Они втроем приехали к вокзалу и долго ждали поезд, а ей дали большой початок кукурузы, и она его грызла. Потом поезд пришел, и подошла к автобусу тетя. А дядя Лева в обеих руках два свертка держал, аккуратно нес. Разместились все в автобусе, приехали к ним домой, там свертки развернули, Иринке разрешили посмотреть. А на что там смотреть? Два маленьких красных тельца чуть больше ее куклы. Страшные какие-то. Ей не понравились.

Зато сейчас она их любит. Двойняшки уже ходят в детский сад. И Иринка часто забирает их оттуда, вместе с бабушкой, конечно. Они такие хорошенькие, и ходят всегда в одинаковых платьицах. Особенно ей нравятся голубые платья с белыми воротничками. Им эти платья тетя Нина из самой Германии привезла, где раньше фрицы были. Она туда по путевке ездила.

К тете Нине и двойняшкам в гости Иринка редко ходит и то не одна, а вот Нинка, ее сестра младшая выпросилась к ним с ночевкой, и ей не понравилось. Пришла, рассказала бабушке с мамой:

– Вчера тетя Нина и дядя Лева так ругались, так ругались. Она на него кричала, что он – собака, и потом взяла ножик и бегала за ним, а он взял шило и побежал за ней. А потом она взяла из альбома все его фотокарточки и порвала, а он взял веревку и пошел вешаться в баню. Но потом они покри-

чали и помирились. А я испугалась, заплакала, когда они ругались.

– А девчонки? – интересуется Иринка.

– А они играли и даже внимания не обращали.

– Вот и правильно, нечего внимания на всякие глупости обращать, – сказала бабушка сердито. – Придумают тоже, при детях отношения выяснять. И на другой день что-то выговаривала тете Нине негромко.

* * *

..... Ну вот, с ранетками покончено. Иринка размешивает чай.

– Так это можно, значит, кроме дня рождения и именины справлять? И подарки дарят? – спрашивает Иринка с неподдельным интересом.

– Так раньше дни рождения не отмечали, только именины. И подарки дарили все хорошие имениннику. Помню и отрезки на платье, и посуду всякую...

– И косметику?

– Чего это? Духи, помады? И это бывало. Мне вот дед твой как-то на именины серьги подарил... красивые... дорогие. Сколько заплатил – ужас... я потом ворчала, а он довольный...

– А где серьги? Почему ты их не носишь, а, баб?

– Лежат в шкатулке вон, тебе в «приданое»... перед кем

мне теперь красоваться? Скорее бы уже за дедом...

Она «невидящими» глазами смотрит и смотрит в окно.

Иринке становится страшно, как бывает, когда вечером бабушка закрывает ставни: сразу становится так темно, уютно, только маленький ночник на стене светит желтым глазом, да радио негромко бормочет; и тогда она быстро юркает под одеяло, а бабушка, перекрестившись, ложится рядом, как большая стена, и сразу становится спокойно.

«Как это за дедом? Нет! Бабушка будет всегда, и самовар на столе, и солнце, и кусты сирени за окном, и заросли малины в саду».

Иринка так любит этот дом, и сад, и лето, и бабулю.

– Нет! Ты у меня самая красивая!

Она соскакивает со стула, подбегает к бабушке, утыкается лицом в ее плечо, обнимает крепко-крепко. Та прижимает ее к себе и долго гладит по голове.

– Ну, ладно, хоть для тебя красавица! Ты мою болтовню-то не слушай. Скучаю я... А так-то... «Помирать соберись, а рожь сей»... Тебя, вон, помочь подрастить надо... дом ветшает... крышу надо подлатать в двух местах... Геннадий рубероид обещал... Мало ли дел?... Ой, ладно-ладно, разнежничались, а ведь в магазин собирались с тобой. Глянь в окно, не Александра там идёт? – просит бабушка.

Иринка смотрит в окно.

– Нет, не она. Ба, а почему у нее ноги больные? Она пока до нас идет, два раза на заборе виснет, чтобы ноги отдохнули.

– Вот всё тебе интересно? «Форсила» много, модницей, значит, была, а «форс мороза не боится». Ой, боевая была, помню! После революции «агитаторшой» заделалась: косынка красная, тужурка кожаная, гоняла на повозке по деревням, селам. Церкви разрушали, грех это..., – бабушка хмурится. – Застудилась, не береглась. Не зря я тебе говорю всегда – теплее одевайся!

Иринке это слушать странно. Баба Шура всегда ходит в одной и той же линялой синей юбке. Под юбкой теплые рейтузы даже летом. А еще галоши, надетые на шерстяные вязаные носки. Кофта бесформенная. Седые короткие волосы, подколотые гребенкой. Какая «модница»?

– А почему она тогда сейчас не наряжается?

Бабуля отмахивается, не любит она истории рассказывать.

– Ну, ба!

– «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали», – бабушка говорит неохотно, – не сложилось у нее. Замуж собралась, а он на другой женился. Вот она и взбрыкнула. Однажды приходит к нам, батюшки! Надела все старье на себя. «Так теперь ходить буду – кончилась моя жизнь». Сколько не убеждали, говорили – толку нет. Так и ходит с тех пор.

«Надо же! Как странно. Опять любви».

* * *

Еще баба Шура любит иногда говорить «плохие» слова.

Правда, при бабушке побаивается. Вышла как-то между ними даже ссора, когда бабу Шура маленькую Нинку – Иринкину сестру научила ругаться: «Баба Фуня – куйва». Бабе Шууре смешно, а бабушка жутко рассердилась. Баба Шура потом к ним не приходила неделю, но всё же пришла, повинилась. Бабушку все сестры уважают и побаиваются – она у них старшая была, и когда рано мать умерла, она их всех растила.

А вообще баба Шура тоже веселая. Иногда Иринка с троюродными сестрами Людой и Люськой ходят к ней в гости. У нее всегда можно лоскутков на платья куклам взять, а еще целый ящик открыток разных посмотреть, а еще чая попить с вареньем и какими-нибудь булочками. Как пройдешь по проулку, перейдешь дорогу, на другой улице она и живет. Когда приходят к воротам ее дома – ждут, а то у нее собака такая злая и бегаёт по двору. Собака начинает лаять сердито, тогда баба Шура выходит на высокое крыльцо, улыбается, идет собаку привязывать и поет:

*«Нас три сестры,
Одна за графом, другая – герцога жена,
А я всех краше и моложе
Простой рыбачкой быть должна».*

Иринка – средняя, значит «герцога жена». Это смешно, герцогов-то нет, только в книжках или за границей. А «рыбачка» – Людка. Она всех моложе. Людка эту песню не любит...

...Иринка допивает чай, бежит обуваться.

– Ба! Пошли скорее! А то, Люська ведь придет после обеда!

...Люська! Любимая троюродная сестра – внучка бабы Шуры. Так-то их две сестры: Люся и Таня. Иринка их в детстве так и звала «Уся-Таня». Мама любит рассказывать, как вышли они с ней маленькой однажды на улицу, а там группу из детского сада мимо дома воспитательница ведет, Иринка выдохнула удивленно: «Ой, сколько Усев-Танев!» Таня – старшая, у нее свои подружки. А с Люськой они каждое лето «не разлей вода». Так бабушка говорит. Почти не расстаются: то играют здесь, то дома у другой Люськиной бабушки-бабы Раи, то дома у Люськи, то ходят в гости, то в магазин. Здорово!

Жаль – лето короткое. Только приехал, уже уезжать пора, в школу снова идти. Нет, школу Иринка очень даже любит, и в городе жить здорово, но уезжать всегда жаль.

Люська на год старше. Она умная и носит очки. Иринка так завидовала этим очкам, что когда ей было лет шесть – стала бабушке жаловаться: «Плохо вижу, буквы двоются». Бабушка ее даже в большой город Абакан возила. Там зрение проверяли. Очки надели ей и стали стеклышки в них ставить.

– В этих как?

– Всё равно плохо видно.

– А с этими стеклышками?

– Плохо.

– А вот в этих?

– Отлично.

– Конечно, это же простые стекла. Врунишка ты! – засмеялся доктор. – Зачем тебе очки? Время придет еще, не захочешь, да оденешь!

Бабушка ворчала на нее всю обратную дорогу. Да какая разница! Бабушка добрая, а вот очки так и не выписали. Расстройство!

* * *

...Как же она любит лето! Особенно когда начинаются летние каникулы, и мама везет их к бабушке в Копьево...

– Мама, она щиплется!

– Мама, она толкается!

– Сейчас обе вниз пойдете, раз «мир не берет»!

Притихли. Мама лукавит. Какое там – «вниз». Общий вагон. На каждой полке сидит по три человека. А они вдвоём лежат с сестрой Нинкой на жесткой верхней полке, маются от безделья. За окном темнеет, смотреть на мелькающие огоньки скучно. Уже поиграли в машинистов, как будто им подчиняется этот старенький поезд, который медленно

тащится между холмов. Позади часть пути, пересадка, шумный вокзал. Ехать осталось несколько часов. Как это мучительно! Время тянется, как «резиновое».

До Ачинска ехали они в «мягком» вагоне, а в Ачинске – «пересадка». Сидели на чемоданах, ждали, пока мама в «кассе» стоит длинную очередь. В этот раз билеты взяли быстро, а иногда билетов нет, и тогда они идут к Юдиным. Это папина родня. Они рядом с вокзалом живут. Они добрые! Всегда радуются, когда к ним придешь. Накормят, уложат поспать, если ночь, потом с билетами помогут. Тетя Ася в Управлении дороги работает. Жаль, в этот раз не зашли к ним!

– Поспите! – Мама заботливо накрывает их своим плащом. – Чем быстрее уснете – тем быстрее приедем.

Шум в вагоне постепенно стихает. Все дремлют. Колеса монотонно стучат: тук-тук, тук-тук, тук...

Наконец:

– Вставайте! Подъезжаем скоро!

Уговаривать долго их не надо. Они уже бодро смотрят в окно, ждут туннелей! Особенно здорово ехать по ним днем, но и сейчас, когда на улице уже немного рассвело – тоже интересно. Как только проедешь «третий» – вот и конец пути. Считают.

...Знакомый вокзал, высокие тополя машут ветками, «здороваются». Кроме них никто не встречает. Сюрприз бабушке! Идут с сумками по дощатому тротуару. Аптека, деревянный дом за высоким забором, магазин, здание конто-

ры, еще магазин.

Теперь направо – в проулок. Вон он – бабушкин дом. Стоит в стороне от центральной дороги на улице Транспортной дом №2. Иринка этот адрес хорошо знает! Она каждую неделю почти из города бабушке письма посылает или открытки, сама конверт подписывает. И всегда удивляется: «Тоже мне – улица! Вот у нас в городе Улица – домов, наверное, сто, а тут – 5 домов справа, да два слева, а еще слева длинный забор детского сада. Иринка туда ходила. Из этого детсада в школу пошла с большим желтым портфелем.

Дом! Белеет ставенками за кустами акаций и высоких яблонь. Ставни уже открыты.

Колосятся в ворота, заливается веселым лаем Дозорка. Знают, сейчас выйдет бабуля, а они закричат: «Баба, это мы!», и она поспежит открывать калитку, на ходу радостно приговаривая: «Ну, надо же. Я бы встретила, хоть бы телеграмму дали».

Обнимаются, заходят в дом, разговаривают, перебивая друг друга. Достают подарки, ставят на стол в «зале» электрический самовар, «розетки» с вареньем. Бегают, шумят, гоняют одуревшую от «нашествия» кошку. Ура! Приехали.

Всё такое родное: круглый стол, на нём белая скатерть с нарисованными крупными гроздьями сирени, на скатерти маленькая, величиной с копеечку, прожженная дырочка. Комод в углу с зеркалом, открытки, гнутые стулья у окон в тюлевых занавесках, железный горшок с фикусом. В углу кровать с железными спинками. Радио «бубнит» на стене.

– Поспите! – просит мама. – Спали в поезде всего несколько часов.

– Нет! Я в гости к сестрам, подарки отдать! – спорит Иринка.

– Какие гости! Да они «дрыхнут» еще, кто же в такую рань встает на каникулах? Еще семи нет! – говорит бабушка.

Но как же можно спать в такое солнечное прекрасное утро, когда душа ликует, и ноги не стоят на месте? Ладно, полежим! Немного... одну минуту... ми —ну-ту...

...Когда они просыпаются на узенькой кровати в маленькой комнатке, то слышат оживленные разговоры. Ну вот!

Уснули, а кто-то пришел. Бегут здороваться, обниматься. И потом весь день – бабушки, тетушки, сестры, вся разновозрастная и любимая родня. Как хорошо, когда много родни, когда все живут рядом. Как хорошо, когда впереди лето, полное радости и любви.

...Мама с Нинкой обычно живут месяц, а потом отпуск у мамы заканчивается, и она уезжает домой. Нинка капризничает, ей хочется остаться, но бабуле не управиться с двумя. Поэтому Нинку увозят – будет ходить в детский сад. А Иринка остается, только в середине августа повезет ее бабуля домой, в город. Еще пол – лета впереди! Сегодня можно целый день в саду возле огромного куста смородины играть во «взаправдашний» магазин.

Нашли они с Люськой в старом дедушкином сарае гири и весы. Весы, правда, странные – висят на железке два тарелки. Ну и ладно! Зато гири такие красивые, блестящие. Еще можно в прятки поиграть, а если подружка из соседнего дома прибежит, то и в школу.

* * *

...Иринка украдкой берет со стола кусок хлеба с колбасой и прячет в карман. Это Дозорке. Жаль его, весь день на цепи сидит, за ворота его не пускают.

– Баба, давай, газировки сегодня купим! Если сразу выпить и бутылку продавщице отдать выходит всего 10 копеек, мы с Люськой так покупали.

– Да где ж ты зараз всю бутылку-то выпьешь? Лопнешь ведь? – бабушка улыбается. – Вас с ней только выпусти! Никогда сдачи не принесете, то лимонад, то конфетки... Сластены! Давай лучше молока купим. С пенсии моей не разбежишься газировки каждый день брать. Начислили 35 рублей, вот и крутись.

– Не лопну! Купим, а! А молоко не хочу.

– А кашу на чем варить будем? А чай забеливать? Куда без молока? Раньше свою корову держали, так ты молоко любила, а как «покупное» стали брать – ты давай плевать его. Конечно, свое молоко лучше, но што же теперь поделаешь?

Пить молоко полезно, от него косточки крепнут.

– Ба, а когда мы пойдем у курочек посмотрим? Вдруг яички лежат.

– Посмотрим, придем и посмотрим. Одна живность теперь – четыре курицы, Дозорка во дворе на цепи, да кошка.

– Ба, а скажи, как ты туфли эти называешь?

– «Говноступы».

– Аххааа! – Иринка заливается веселым смехом. Бабушка тоже смеется негромко.

– Это для огорода, как их еще называть? Ну, пошли!

– А еще расскажи про именины!

– По дороге расскажу. Чего именины? Нет теперь такой моды!

– Ба, а скоро баба Клава приедет или баба Маруся?

– Обещались, но кто их знает. Лето, огороды, своих «забот полон рот».

* * *

...Баба Маруся – младшая сестра бабули, а баба Клава – дедушки сестра. Эти бабушки живут в Ужуре. Это такой город неподалеку. До него на поезде час ехать надо.

Баба Маруся – полная, белотелая живет в доме, где выросла бабушка. Они недавно ездили к ней в гости. Странный у нее дом – большие сени с кладовкой, кухонка и две комнаты. И пол в большой комнате – «зале», как «горка». Иринка

помнит, как спросила:

– А почему пол, как горка?

– Осел дом, старый уже, стены крепкие бревенчатые, а полы накренились, – пояснила бабушка. – Что там, Мария, на счет сноса дома говорят?

– Да снесут, обещают. Только «обещанного три года ждут». Мы вот с Володей покрасили, подновили всё...

И она подробно рассказывает, как и что они делали, и как ей известка в глаз попала и пришлось к доктору обращаться. Она любит поговорить. Иринка слушает, слушает ее певучий голос и начинает засыпать. Ее отправляют на диван в «залу». Но сон проходит, и она валяется на скрипучем дермантиновом диване и разглядывает всё вокруг.

В другом углу «залы» – красивая кровать вся в подушечках и «накидушечках», рядом комод с салфетками и фотографиями. А на стене большущая картина «Иван царевич на сером волке». Иринке нравится эта картина, она решает, что когда вырастет – тоже себе такую картину повесит. Она вообще любит картины разглядывать. У бабушки на стенах висят три: на одной девушка красивая в белом платье со стариком женится – сидит печальная; на другой – в заросшем саду девушка ведет под руку старую бабушку. А еще висит в маленькой комнате «Аленушка». Иринка в прошлом году даже стих сочинила про нее:

«О чем печалишься, Аленушка-краса?»

*О чем катится горькая слеза?
О чем ты плачешь, сидя у пруда?
О чем ты думаешь на камешке одна?
Сидишь ты, грустно руки опустив,
Играет ветер русою косою,
Доносит ветер песен тех мотив
Деревни, где бегала девчонкой ты босою...»*

Это уже, конечно, не очень складно, но зато рифма хорошая: «косою – босою». Она долго этот стих рифмовала «так и сяк», а потом переписала и отправила в «Пионерскую правду». И, когда уже забыла про всё это – пришел через месяц большой и красивый конверт. А там – на фирменном бланке... письмо от редактора, что «стих еще надо доработать, но это очень хорошо, что она сочиняет стихи, и надо хорошо учиться в школе и дальше писать». Письмо она никому не показала. Вот если бы напечатали, а так... сочинять стихи она, конечно, не бросила, но больше никуда их не посылала.

А еще ей интересно, как в таком доме все умещались, если кроме бабули здесь еще и все её сестры жили, и братья, и отец, и бабушка? Но с расспросами не лезет, а то баба Маруся опять начнет длинно говорить.

Баба Маруся – смешная. Часто говорит Иринке: «Ой, как ты изменилась. Такая ласковая была...» Не понимает, что ли, что она выросла? «Я же большая уже! Стыдно как-то с бабушками обниматься-целоваться». Даже про то, что спит

она всё лето с бабушкой на одной кровати – никому не рассказывает. Просмеют!

Больше всего в Ужуре она любит бывать у бабы Клавы. Это дедушки сестра. Вот она всё понимает, не лезет со своими «нежностями телячьими». У нее дома красиво, везде салфеточки, а во дворе кролики живут в клетках. И она – самая добрая бабушка для всех, потому что своих детей и внуков у нее почему-то нет. Баба Клава шьет красивые платья. Однажды она Иринке показывала, как надо подшивать подол, если он оторвался немного и пуговицу. Неинтересно! А главное, зачем шить самой, если есть бабушка? Она всё умеет!

Когда баба Клава приезжает к ним с бабулей в гости, Иринка ходит за ней «хвостом». Так и ходят вместе: то к какому-то деду – её брату двоюродному, то к каким-то племянникам Сергеевым. Там в доме много детей, очень много. Одни большие, другие маленькие, есть и ровесники Иринки, но они ей не нравятся. Мальчишки, да еще какие-то вечно грязные. Их мать варит суп в огромных кастрюлях, а пирогов печет целый таз. Они тоже все бабу Клаву любят. Иринка терпеливо ждет, пока она поговорит и попьет чаю, а потом начинает тянуть ее домой. Что тут сидеть? Скучно!

Еще две «дедушкины» сестры в Москве живут, приезжают редко. Иринка только Ольгу знает из «московских» родственников. Её привозят к бабе Клаве погостить. Она ей – племянница.

«Ох, нравная у них Ольга, – говорит про нее бабуля. – По-

перечная». Иринке Ольга тоже не очень нравится. Командовать любит. Понятно, она-то большая, уже школу заканчивает. Смеялась, что Иринка с соседом Алешкой дружит.

А что такого? Они дружат «всю жизнь». А как вырастут – решили жениться. Алешка согласен.

Он живет в соседнем доме. Два окна его дома прямо во двор бабушки «глядят». Поэтому Алешка видит, когда она из дома гулять выходит, и сразу перелезает через высокий забор к ней. А если ее долго нет – заходит в дом и ждет, пока она соберется на улицу.

Алешка живет всегда с дедушкой и бабушкой. Он называет их «маманя» и «папаня». Чудно!

Он в город осенью не уезжает, тут же в деревне в школу ходит. Мама у него есть, но она приезжает только летом на месяц. Алешка ее не очень любит, сердится почему-то. И вообще он серьезный, смеяться не любит. Он и в огороде помогает «папане» и возится с ним в гараже. Скоро научится мотоцикл водить. Но больше всего ему нравится мастерить что-нибудь. Они строят под яблоней в саду домик из старых досок. Он прибивает всё, строгают. Получается красиво. После школы он поедет в Ленинград учиться на строителя. Там у него дядя и тетя живут. Ну, и Иринка, понятно, поедет с ним. Ленинград – город красивый, она на картинках видела, и отец про него много рассказывает – он в этом городе в институте учился.

Но где она будет учиться, она еще твердо не решила. Ей

хочется быть то учительницей, то продавцом, а иногда проводницей на поезде. А на прошлой неделе, когда она с велосипеда упала – сильно колено разбила, и бабуля водила ее в больницу, так ей захотелось стать врачом. А бабуля говорит, что она прямо «актриса из погорелого театра». Может, артисткой стать? Ладно, решит еще.

* * *

.... – Баба, а правда, что Люськина мама моей мамы лучшей подружкой была?

– Правда! Дружили с детства. Вместе пели, выступали. Галя – отличница была, серьезная. Думали, она в институт, а она замуж вдруг «выскочила» за Геру нашего. Он как раз из армии пришел.

«Этого хорошо, – думает Иринка, – что тетя Галя здесь живет и Люську родила. А то уехала бы в город, как мама, и к кому тогда летом ходить?»

К тете Гале и дяде Гере она очень любит ходить в гости. У них книжек много, а еще у «Уси-Тани» стена в их комнате вся заклеена разными фотографиями артистов из журналов. Их столько много, что можно, наверное, час разглядывать. Очень красиво! Но ей мама не разрешает дома такую красоту клеить. И пластинок у них много, они часто включают проигрыватель. А у бабушки дома только патефон. Ручку крутишь-крутишь, он тебе поиграет немного.

Один раз она пошла с Люськой на вокзал в киоск. Там пластинки новые привезли. Люська себе купила, и она тоже купила. Дома на патефон поставила пластинку. А она как захрипит. Оказалось, что для него пластинки толстые специальные должны быть. Вот так и испортила свою новую пластинку, даже поплакала.

А бабушка: «За битого двух небитых дают». Это значит, «на ошибках учатся».

Вот такая бабуля. Раз! – скажет пословицу, и всё понятно.

* * *

...Бабушка берет свою клеенчатую сумку, они выходят в сени, потом на крыльцо, закрывают дверь на большой навесной замок. Иринка бежит к Дозорке, сует ему угощение, а потом к калитке.

– Куда ты, стрекоза? – кричит бабушка. – Не беги быстро, не угонишься за тобой.

«Как можно ходить, когда хочется лететь?»

Распахнув калитку, Иринка выскакивает в проулок и весело бежит по нему, раскинув руки как крылья, навстречу еще одному счастливому дню своего детства.

* * *

*На нитку времени воспоминаний жемчуг
По бусинке нанизываю я.
Вот это-школа, кукла в белом платьице,
А эти бусинки – мои друзья.
Но жемчуг, как известно очень хрупок,
И непрочна тонюсенькая нить.
И потому воспоминаний бусы
Я буду очень бережно хранить.*

2016г.

*Из книги «Академ
и наш „Б“ класс»*

«Войнушка»

*Марии Александровне
посвящается.*

– Ну, Машка, поймаем мы тебя! Получишь! – «конопатый» Васька грозит ей кулаком.

– Поймай сначала! – Машка уже готова показать ему язык, но вспоминает, что говорила недавно воспитательница о культурных девочках. А так хочется быть культурной! Стать такой же, как она, Елена Николаевна. Какая красивая: всегда белая блузочка, строгий серый костюм, волосы короткие, гребеночкой подколоты. А еще... она бы Ваську все время в углу держала.

Девчонки бегут в заросли боярышника, прятаться.

– Давай туда лучше, – подружка кивает ей на дверь старенького сарая.

– Бегите! – командует Машка, – я только листик найду, а то все колено ободрала.

Девчонки убегают, а она срывает тонкий листик подорожника, и, послунявив его, прижимает к ранке. Тепло, солнце припекает, тихо, отважный муравей поднимается всё выше по травинке. Машка играет с ним, прутиком преграждает ему путь, и, забывая про игру, растягивается на мягкой траве.

Они играют в «войнушку». Играют каждый день. А во что еще им играть, если где-то там, за горами и полями, взрослые играют в свою – смертельную «войнушку»? Долго играют и никак не могут закончить.

Машка у девчонок заводила, они ее слушаются. И учится она во втором классе лучше всех, послушная, и воспитатели ее хвалят, и все же, все же...

...Как приятно порой человеку знать, что он не один. Что не один он болеет, страдает, воюет, несет свой «крест» сиротской жизни, не один жует пшеничную кашу на завтрак, ходит строем, поет песни. Ты не один, вон, сколько таких вокруг! – но почему от этого не легче? Потому, наверное, что каждый всегда хочет быть одним – единственным для кого-то, пусть для одного, пусть без тарелки казенных щей, голодный и одетый в старое платье или латаные штаны.

...Утро было такое серое, а может быть, это ей так показалось? Может быть, солнце светило во всю свою летнюю силушку, как и сегодня, только она забыла? Ей было страшно. Так страшно, когда в животе всё сжимается, сердечко колотится, как бешеное и даже не текут слезы.

Тетя, взяв крепко за ручонку, уводит ее из дома. Сначала они идут до понтонного моста через Ангару, потом по длинной пыльной дороге. Дорога идет вдоль железнодорожной насыпи. Иногда рядом проходят поезда. В другой раз Машка обязательно бы остановилась и поглядела на них, но сейчас ей тревожно, и потому ей кажется, что и поезда тревожно

посвистывают, проносясь мимо. Еще один мост – деревянный длинный – через Иркут.

Машка уже устала, хочется пить, но тетка подгоняет ее: «Некогда рассиживаться, нас ждут, там попьешь», и они идут дальше мимо какого-то поселка, большой деревянной школы, потом проходят небольшое болотце и вон, наконец-то он, дом на пригорке. Большой такой зеленый дом, на втором этаже верандой опоясан. За ним три барака, роща, озеро.

Слово такое хорошее вроде бы – «детский дом». Дети, значит, там живут. Много детей! «Есть с кем играть, ей там лучше будет, она там будет сытая и игрушек там полно». Тетя все время говорит и говорит, поспешно и сбивчиво, без конца теребит кончики платка.

Они стоят у двери в кабинет, кого-то ждут, Машка стоит, молчит. Она уже большая. Все понимает.

...Мама больше нет. Нет ее прохладных тонких рук, веселого смеха, поцелуйчиков, ее цветастого платья с кружевным воротничком. Последнее время она всё лежала и лежала на кровати. За хозяйку была старшая сестра Маринка. Только она ходила с карточками за хлебом, а потом аккуратно разрешила его на кусочки. Маленькие кусочки! Раз и нет их. Тогда Машка шла к матери. Еще два кусочка хлеба на блюдечке ей Маринка ставила возле кровати на табуретку. Машка ходила по комнате, поглядывала на них.

«Лезь сюда!» – мама откидывала краешек одеяла у стены,

когда Маринка выходила из комнаты. И Машка юркала к ней под бочок, прижималась крепко, натягивала одеяло на голову. Мама отдавала ей кусочки, и она с удовольствием съедала их прямо там – под одеялом. Маринка возвращалась с пузрычком в руках, капала несколько капель в чашку с водой:

– Что, правда всё съела? – строго спрашивала она. – На, тогда лекарство пей!

– Съела, доченька, съела, – говорила та быстро и покорно пила.

А Машка хитренькая, лежала тихонько, молчала, будто нет ее. Знала, что Маринка ругаться будет. Нехорошо, наверное, было – кусочки эти есть, но так хотелось.

А месяц назад тетка взяла ее в гости. Машка пошла нехотя, у тетки маленькая темная комната, на кровати лежит ее муж, его все называют трудным словом «контуженный». Он обычно молчит, лежит тихо, но иногда вдруг, вскрикивает: «Вперед! В атаку», садится и машет руками. Машка его побаивается, но делать нечего, пошла в гости. А потом вернулась домой, забежала в комнату матери... кровать пустая... «Отмаялась», – сказала тетка.

Отца Машка почти не помнит. Помнит только, как подбрасывали ее сильные руки, а она смеялась. А потом его не стало, и все говорили: «Пропал без вести». Ну, пропал и пропал. Она его не помнит совершенно. Главное – рядом была мама, старшая сестра. И вот теперь мамы нет. А сестра? Она сама еще маленькая. Ее, наверное, тоже уведут из их

чистой квартирке с печкой, кроватью, кружевной шторкой на окне.

...Тетка торопливо целует её на прощанье и быстро уходит по длинному коридору. В детском «доме», и, правда, много детей. Ходят, смотрят с интересом.

...Утром всех вывели на прополку. «Вот твоя грядка теперь, – ласково улыбнулась воспитательница. – Ее надо прополоть». И она пошла дальше. Машка уставилась на грядку во все глаза. «Прополоть». Легко сказать, а какие тут травинки надо выдернуть? Так-то она смекалистая, ее всегда хвалили, но вот... «прополка». Не было у них грядок, а только квартира в центре города в старинном доме. Не знает Машка ничего про грядки. Она любит сидеть на высоком крылечке, людей разглядывать, а что еще делать, если обуви нет? Маринке туфли нужнее, а валенки летом не оденешь. Босиком бегала – ногу порезала, на крылечке лучше. Люди спешат мимо, все разные, лошадки с повозками проедут. Интересно! А тут... огород, грядки. А зябко как! Ветерок что ли холодный такой? Их в огород привели только в майках да трусишках. Поежилась! Села рядом с грядкой.

– Что же ты, ничего не делаешь? – снова подошла Елена Николаевна.

– Зябко мне!

Прохладные руки трогают лоб.

– Иди обратно, в дом. Там печка топится, посиди пока возле нее.

«Языки» пламени весело «пляшут» в печке. Машка при-слоняется к ней. Хорошо! Закрывает глаза. Дом, улицы, лица, старый заяц на кровати, все начинает кружиться, как карусель, прохладная рука ложиться на лоб... «Мама! Мамочка!»... Темнота...

... – Ну что, проснулась, красавица? – старый доктор весело глядит из-под седых бровей. – Теперь на поправку пойдём!

Надо же! В больнице с воспалением легких среди жаркого лета. Машке тогда захотелось тоже стать доктором, ходить по палате и назначать порошки и уколы. Хотя нет, уколы – это больно, она будет только порошками лечить. Скорей бы вырасти, а пока приводят обратно в «детский дом».

...Нет! Не нравится этот дом Машке. Сейчас ничего – притерпелась, а после больницы два раза убежала. Оба раза на мосту поймали. Там строгие дяденьки с ружьями всё время ходят. Ее ругали потом, но не очень, а Елена Николаевна не ругала, она добрая и искала Машке семью. И нашла! Пришли мужчина и женщина, забрали ее к себе домой.

Машка сначала обрадовалась, улыбаются, куклу подарили, хоть не новая кукла, но своя, с ней играть можно долго и никто не отберет. Квартира в доме на первом этаже, кухня, две комнаты; вещей каких-то много лежит. Спать постелили в большой комнате на диване, перед этим накормили, расспрашивали. Но ночью не спалось – с непривычки, наверное; долго ворочалась, а потом слышит – шепотом пе-

реговариваются:

– Хорошая девчонка вроде, смышленная, но говорил тебе, парнишку надо брать!

– Да чего парнишку? Знаешь ведь, девчонкам больше подают.

У Машки в душе похолодело, как тогда – страшным зимним утром...

...Болела Маринка, и с карточками тетка ее в очередь поставила. Самой ей на работу, а опаздывать нельзя ни на минуточку, вот и пришлось Машку отправлять. Тетка поверх всей одежды укутала ее в свою шаль, да крепко так подвязала, один нос торчит, к магазину привела, возле дядечки какого-то поставила и попросила его за Машкой «приглядывать». А ей наказала строго в очереди стоять, и как только к прилавку подойдет, карточки из кармана вытащить и продавщице отдать – та ей хлеб, а с хлебом сразу домой. Чего тут трудного? Темно еще на улице, очередь медленно движется, Машке хочется спать, к дядьке этому прислонилась, задремала. У прилавка очнулась, в карман шубейки залезла, а карточек... нет!

Вот тогда узнала в первый раз, что такое «холод в душе». Как будто ей мороз с улицы внутрь забрался, и остудил руки, ноги – не пошевелить. Она знала – нет карточек – хлеба не дадут, и как она тогда домой придет, что скажет? Машка начала так кричать и плакать, что очередь заволновалась, зашумела, и продавщица громко крикнула: «Давайте,

товарищи, поделимся с ребенком!» И люди проходили, отдавали продавщице карточки, а она от каждого по несколько граммов отнимала. Машка стояла долго, пока продавщица не протянула ей булку хлеба. Поделились люди, а Машка тогда и «спасибо» не сказала, схватила булку эту крепко в руки и бегом до дому бежала.

И сейчас вот страшно стало и холодно.

«Вон что! Это, значит, плохо оденут и заставят клянчить еду».

Машка таких детей видела много раз. «Нет! Не хочу!» Она полежала еще, а когда услышала, как похрапывают «родители» во сне, тихонько встала, оделась, открыла щеколду дверную и выскользнула из квартиры. Дорогу она помнила хорошо. Страшно, конечно, было идти ночью одной, быстро скользила по ночным улицам, как мышка, только у школы остановилась. Присела на школьное крылечко, решила, что никуда больше не побежит из «детского дома». Так ее утром спящую и нашла сторожика.

С тех пор Машка из «дома» ни ногой. С девчонками дружит, а вот мальчишек терпеть не может. Дразнятся, дерутся, но и она им спуску не дает. Когда сражаются они, дерется на палках не хуже. Ну и пусть синяки, царапины – заживут. Они все знают, что на войне еще труднее, там взрывы и стреляют. Их в детдоме учат: «Плакать нельзя! Друзей предавать нельзя! Жаловаться нельзя!»

... – А, попалась! – слышит она радостный вопль над са-

мым ухом. Машка вскакивает, но поздно. Цепкие руки мальчишек уже держат ее крепко, и тащат к большому корпусу, где у них в большой комнате на втором этаже проводят «пытки». Девчонки выбегают из сарая и бегут следом. Игра закончилась.

В комнате, где обычно спят 20 человек, стоит, кроме кроватей, большой стол, за которым обычно делают уроки. Машка правила знает. Она ложится на стол, ее связывают простынями руки и ноги, а потом Васька берет полотенце, скручивает его, завязывает в три узла, мочит в соленой воде и бьет по спине. Больно! Машка сжимает губы. Закричал, заплакал – «пытки» заканчиваются. Нет, она плакать не будет. Не дождется Васька! Она ни за что не будет плакать! Васька бьет снова.

«Неужели на войне тоже делают так больно? Зачем? Зачем люди делают друг другу больно? ... Ничего! Потерплю еще! Вот совсем уже немоготу будет – заплачу».

Мокрый узел вновь опускается на ее спину. Машка еще крепче сжимает губы, прикусывает нижнюю. Девчонки сидят на кроватях, ерзают, смотрят виновато. Надо терпеть! Попалась – сама виновата, нельзя так на войне. Ее подружка соскакивает с кровати и подбегает к столу. Мальчишки недовольно галдят.

«Еще ударит Васька – точно заплачу», – решает Машка, – очень уж больно». Подружка, наклонившись к ней, видит ее лицо, искажившееся от боли, и не выдерживает. Она

с криком бежит к двери, остальные девчонки тоже кидаются за ней вслед. «Елена Николаевна, там Машку убивают...»

Мальчишки тоже бегут врассыпную – кто куда, а Васька торопливо отвязывает простыни и спрашивает опасливо:

– Тоже жаловаться побежишь?

Машка молчит, думает. Спина еще горит от ударов, саднит больная коленка, но почему на душе хорошо?

«Вот так вот! Вытерпела, не заплакала! Жалко, конечно, что сегодня мы проиграли войнушку... и Ваську жалко... опять ему попадет, а у него папку на фронте убили, и брата старшего, и мама тоже умерла, а он все мечтает сбежать, в поезд пробраться и на войну уехать – фашистов бить! Но не палкой, а прямо из ружья стрелять насмерть. Вот только Васька крови боится, и уколов, и читает плохо – еле-еле по слогам – ругает его учительница. Но, когда его „пытали“ прошлый раз – тоже не расплакался. И я теперь тоже могу с ним на войну убежать! Надо подумать...»

Машка слезит со стола, смотрит на Ваську.

– Нет, не побегу жаловаться, – говорит она, наконец. – В другой раз я тебя поймаю, тоже получишь! А хочешь? ... Я тебя научу читать быстро? Если читать не умеешь – куда убежишь? И еще припасы нужны. Хочешь, вместе делать будем?

Васька удивленно таращит на нее глаза, потом неуверенно кивает. Машка идет к выходу, а он, уважительно глядя на нее, идет следом.

Машка не знает еще, что на фронт она не убежит, что ждет её полуголодная, но веселая юность с койкой в общежитии, простые радости и горести. И, что в самые тяжелые моменты своей жизни – многотрудной жизни доктора сельской «глубинки», она не раз будет вспоминать и этот день, и эту «войнушку», и то, что «плакать она не будет. Не дождется Васька»!

Аська

«Легко выбирать между хорошим и плохим. Например, кто будет долго думать, что предпочесть: белый песок пляжа на экзотическом острове в компании шикарного мужчины или „дикий“ замусоренный пляжик на речушке рядом с родительской „фазендой“ в полном одиночестве? Чаше выбирать приходится из плохого и очень плохого».

Именно так думала Аська, которой предстоял выбор: провести свой короткий отпуск в четырех стенах родной квартиры или на родительской даче, где хотя бы можно позагорать на прополке вечных грядок. Выбор был сделан.

Тяжело вздохнув, Аська собрала сумку и поспешила к вокзалу.

Народу в электричке оказалось, на удивление, немного, нашлось даже свободное место. Втиснувшись между приятной старушкой и сонным мужичком, она, наконец-то, вздохнула с облегчением:

«Пристегните ремни. Желаем счастливого полета!»

Электричка, нервно вздрогнув, застучала в направлении Софоновки, где Аська проводила почти каждое лето с момента своего рождения.

«Когда я научусь откладывать на отдых? Вон, Маринка... приезжая, квартиру снимает, родителей «под боком» нет, а одевается... как куколка и постоянно куда-то летает. «Ах,

чудесный ресторанчик в Неаполе... ах, уютный французский отельчик...».

А я два года «угробила» на Васечку. Асечка и Васечка! Надо же так «вляпаться»?! И главное, не придерешься! Сама ведь на него внимание обратила. Васечка – компьютерный гений. «Заскочи на минуточку!» Заскочил.

На минуточку, потом на пять, не успела сообразить, уже поселился с пожитками, и щетка зубная в ванной стоит. Да ладно. Сама ведь этого хотела. Казалось так все хорошо, и главное, надежно. Добрый, ласковый, даже не курит. Сидел у компьютера безобидно. Цветочек раз в неделю, конфетки иногда купит. А Асечка... рубашки гладит, продукты покупает, ужин подает. «Поигралась» в семью? Нет, чтобы задуматься, что Васечка до тебя тоже где-то жил и не бедствовал. С мамой ему некомфортно, как же – взрослый вроде мужик. Вот и ищет «мамозаменителей». А она? Планы строить начала. Дура! И главное, не возражал, денежки копил. «Конечно, Асечка, потом... поедem, устроим, купим»....

А весной тихо «слился», купил шикарный «внедорожник» и поселился у очередной дурищи. И какие претензии? Не ругался, не скандалил, ничего не украл... кроме двух лет жизни. Дааааа! За уроки надо платить...»

...Аська открыла калитку. Изрядно заросший со времени последнего трудового десанта родителей участок выглядел, как беспризорник на вокзале среди нарядной публики. Она неспешно переделалась и присела к грядкам. Машиналь-

но прополов одну, Аська встала, расправила плечи и довольным взглядом оценила свою работу.

«Вот и глаза открылись у грядки», – любила говорить бабушка, когда ровные рядки посадок, освободившись от сорной травы, начинали радовать глаз.

Когда Аське было одиноко, обидно или нестерпимо «болела душа», она всегда искала укромный уголок, в котором можно тихо поплакать. Слезы очищали душу, как теплый дождь омывает грязную придорожную листву, и можно было жить дальше. Она плакала так с раннего детства, почему-то стыдясь бурного выражения чувств. Вот и сюда она приехала поплакать вволю. Дома на это не хватало сил, так она загрузила себя работой. А тут было время и место. Но плакать почему-то расхотелось. Светило солнце, беззаботно чирикали птицы.

«Красота! Все-таки все мы – „дети природы“. Хорошо-то как».

События последних дней показались вдруг такими далекими. Неужели, это, правда, было с ней?

Аська уже собиралась зайти в дом, как из-за забора ее окликнула соседка.

– А я гляжу, Асечка приехала! Надолго?

– Здравсьте, тетя Маша! Не знаю. Пока не надоест. В отпуске я.

– Заходи, Асечка! Почаевничаем! Я как раз пироги сделала с картошкой.

От этого предложения отказаться было сложно. Впервые за неделю Аська почувствовала, что проголодалась. Она ополоснула руки, натянула сарафан и поспешила к соседке. Прежде в двухэтажном доме тети Маши ей бывать не доводилось. Внутри дом оказался хорош – продуман до мелочей – и больше, пожалуй, походил на городскую квартиру, обставленную с комфортом и любовью. Тетя Маша радостно хлопотала по хозяйству, сноровисто накрывая на стол. И хотя выглядела она как обычно: располневшая, с тронутыми сединой волосами; и даже халат на ней был все тот же: китайский, с какими-то яркими причудливыми узорами, – чувствовалась в ней какая-то усталость и надломленность. Казалось, что делает она все скорее машинально, по привычке, а еще Аська почувствовала, что соскучилась соседка по общению – раньше не была так говорлива. Это удивило.

Обычно была тетя Маша энергичной молчаливой «пчелкой». Грядки у нее всегда были идеальными, белье – «белоснежным». Она без конца что-то полола, подрезала, сушила, варила, заготавливала. Муж был ей под «стать». Иногда он уезжал на вахты, а в остальное время что-то строгал, приколачивал, доводя свой домик до идеала. Участок они приобрели давно, построили дом, и сначала как все, приезжали летом, а несколько лет назад перебрались сюда совсем, отдав квартиру сыну с молодой женой.

– А где дядя Саша? – спросила Аська, ответив на дежурные вопросы.

Соседка вдруг умолкла и стала ритмично размешивать сахар в чашке.

– Нет его.... Ушел он от нас, – сказала она с такой болью в голосе, что Аська нервно глотнула, едва не поперхнувшись пирогом. Увидев ее испуганные глаза, тетя Маша замахала руками и с трудом улыбнулась.

– Да живой он, живой. Просто от меня ушел он этой зимой. Я думала, все знают. Хотя... вечно люди думают, что их жизнь всем интересна.

Аська немного помолчала, «переваривая» новость.

– А от меня ушел Васька, – вдруг сказала она, дивясь собственной откровенности. Обсуждать эту тему она не могла еще ни с кем, даже со своей лучшей подругой. Теперь уже тетя Маша сочувственно посмотрела на нее, потом сказала:

– Конечно, можно сказать – как это теперь модно, – что все мужики – сволочи. Так ведь это неправда. Это жизнь... Откуда любовь приходит и куда уходит? Сколько я передумала за эти месяцы. Саша ведь мой ушел к «молоденькой», чуть тебя старше. Думала, вместе век и доживем. Всё ведь сами создали, во все это столько души вложили. Дом вот, сын вырос, внук уже. А он вон чего! Ох, наревелась я украдкой. – Тетя Маша нервно затеребила лежавший на коленях платок. – И, главное, стыдоба какая! Особенно перед сыном с невесткой. Вроде ничего не украла, а кажется, что все пальцем показывают. Бывают, конечно, у мужчин такие помутнения, так ведь лет в сорок, а тут до пенсии рукой подать.

С вахты приехал прошлым летом, ходит, как чужой, все из рук у него валится. Испугалась сначала, что заболел. А он... влюбился! Еле из него эту правду окаянную выпытала... каялся передо мной... плакал даже. Всё твердил, мол, «будем жить, как и прежде». У меня хоть внутри всё «огнем горело» от обиды, подумала: «Ладно, всё бывает. Перетерпит – забудет. Ну, оступился, не устоял перед молоденькой. Так-то он девушками даже в юности не шибко увлекался. А тут? Может, нашло „помрачение“ какое? Переживём! Я перетерплю, и у него „блажь“ пройдет».

А потом вижу – не проходит... не просто увлечение оказалось. Живем вроде вместе, а как чужие. Вроде рядом сидит, а мыслями... далёко. Не думала, что это так страшно.

Они немного помолчали, вспоминая свое.

– А знаешь, я же спортсменка была, – улыбнулась тетя Маша грустно. – Худющая, как ты. Смешно? Правда-правда! Спортсменка, активистка, хотя, не красавица. А в Сашу влюбилась в институте. Замуж выскочила. Все забросила: учебу, спорт, родила сразу сына. С тех пор вот – пироги пеку...

Аська смотрела на нее «во все глаза», но образ юной спортсменки как-то не вязался с обликом этой немолодой женщины, одной из многих, вечно снующих по магазинам с кошёлками, неухоженных и безвкусно одетых. Она поймала себя на мысли, что для молодых, люди постарше – это люди «бесполоые», как родители. Смешно даже представить, что у них какая-то любовь, страсти, нежности.

– Я не жалею, что так прожила. Неправда ведь, когда говорят, что всё делают для других, всё мы делаем и для себя тоже. Я семейные хлопоты люблю, хоть их и мало ценят. Семья для человека – главное в жизни, но что-то я упустила. Вот так, собрала ему вещи и отпустила. Сначала хотела сама уйти, так он не позволил.

– Как? Сами отпустили? – изумилась Аська.

– Да... Сложно, конечно. Стыдно, больно, но ничего... привыкаю понемногу. Мне все равно легче... у меня сын, невестка хорошая, внук «золотой». Больше сын беспокоит. Злой стал на отца, простить не может.

– А вы его простили?

– Может и не до конца еще... гложет обида. За что со мной так? А с другой стороны посмотреть, в чем виноват – то он? Не в рабстве жил, а в любви, уважении. Жили хорошо, многие завидовали. Уважение осталось, вот только любовь у него прошла. Нет, можно было бы оставить. Так ведь это же мука ему была, да и мне...

Лицо ее скривилось от боли, и она вновь задумалась.

– Всю жизнь я хотела, чтобы ему было хорошо. А тут что, на муку обреку? Лучше сама перетерплю, пусть он счастливо живет.

– А если это не любовь у него, а всё же это... помрачение рассудка?

– Может быть. Пусть живет «свою» жизнь, разбирается сам. Я ему не судья!

– А если обратно попросится, пустите?

– Не знаю. Честно скажу – не знаю. Да он и не просился, так что чего об этом думать? Я планы особо строить перестала. Только одно знаю точно: сломанную чашку склеить можно, вот только пить из нее больше нельзя...

Они поговорили еще: две брошенные женщины.

Аська вернулась в свой домик, легла, но сон никак не шел. В конце концов, искрутившись на жестком стареньком диванчике, она встала и вышла на крыльцо. Ночь была теплая, а небо чистое и звездное. Огромные звезды сияли так близко, что у нее захватило дух. Она вспомнила вдруг, как в девятом классе дружила с Сережкой из соседней школы. Высокий, худенький, он робко брал ее за руку, и они часами гуляли под звездным небом, а он рассказывал ей про созвездия, «черные дыры». Дружба не сложилась, зато с тех пор она могла найти в небе много созвездий и любимое созвездие Ориона.

«Люди смотрят и смотрят на небо. Для нас оно вечно и непостижимо, как Любовь. А ведь, пожалуй, только она наполняет смыслом нашу жизнь. Любовь, в которой не ищешь выгоды, гарантий, которая все прощает. Она дается не всем, приходит ниоткуда и уходит, когда захочет. Но именно такой Любви мы жаждем всем своим существом».

Собственный недавний роман показался ей таким пошлым и смешным, что стало стыдно.

«Я подожду! Я жду тебя, моя Любовь...». Ей захотелось

крикнуть это слова громко, но кругом стояла такая «звенящая» тишина, что она не решилась, а прошептала их, как молитву.

На перекрестке

*Себя я ощущаю условной единицей,
Когда поток машин,
Куда-то мимо мчится.
И рядом люди-люди,
Такие ж единицы,
Сливаясь в массу серую,
Свои теряют лица.*

*И мир мне, вдруг, покажется
Игрой воображенья,
Когда кругом царит
Безумное движенье.
И жизнь мне, вдруг, покажется
Бессмысленной игрой...
Стряхну я наваждение,
И, поспешу домой.*

*Где я такая личная и
Индивидуальная.
Любимая, ленивая,
И в чем-то гениальная.*

*И это вот осмыслив,
Я честно говорю:
Я перекрестки улиц
Ужасно не люблю!))*

2015 декабрь

Дача

Они мирно болтали и пили чай, бессовестным образом заедая его конфетами и капустным пирогом, когда зазвонил телефон. Вообще-то Ольга забежала к соседке, как обычно, на пять минут – перекурить перед возвращением домой. Дома ждали муж и маленький сын. Муж курение не одобрял, нервировать лишний раз его не хотелось. Но после «перекура» у соседки, она часто садились «гонять чай», и «пять минут» волшебным образом превращались в полчаса. Хотя соседка Маша была старше Ольги, им всегда было что обсудить. Маша резко метнулась к аппарату. Ольга поняла, что позвонила Маше её «ненаглядная» дочка.

На Ольгин «объективный» взгляд соседка избаловала дочь ужасно. Она растила ее одна. Было забавно смотреть, как Маша постоянно пыталась изобразить строгую мать и часто спорила с дочерью до «хрипоты», а потом делала все, что та желает, иногда вопреки своим принципам. В принципе, дочь Маши выросла красивой, умной, весьма прагматичной, работала в «приличном» месте, но... была она ужасной эгоисткой. Мать она рассматривала – как многие дети – как существо бесполое, ни в чем особо не нуждающееся, и живущее только для того, чтобы ей, «звезде», было хорошо.

Сейчас «камнем преткновения» стало желание дочери снять квартиру. Маша ругалась, убеждала, плакала. Отно-

шения накалились, и дошло до того, что дочь, настаивая на своем, уже неделю жила у подруги. Маша переживала, выдумывала страшные истории, в которые может попасть ее неразумная «чадо». Эти истории она и рассказывала сегодня Ольге, а той оставалось лишь сочувственно кивать. Ольга знала, что соседка Маша – человек вполне разумный. Но если речь заходила о дочери, Ольге приходилось только удивляться Машиним страхам. Хотя, у Ольги тоже были страхи за маленького сынишку, но пока они касались лишь детских болячек.

«Неужели и я потом начну вот так же..., – подумала Ольга. – Бесконечно переживать где он, да с кем, да что еще придумал?»

К разговору Ольга не прислушивалась, но до нее то и дело доносились то сердитые, то умоляющие возгласы соседки. Наконец, та вернулась на кухню, села за стол, отрезала себе огромный кусок пирога и стала его нервно жевать.

– И что на этот раз?

– Не хочет домой возвращаться, – ответила Маша, – и вообще сказала, что если я ей буду каждый раз настроение портить, она звонить не будет, а на мобильный купит другую «симку».

– И чем ты ей настроение портишь?

– А всем! Ну, скажи, зачем ей квартира? – Маша снова завела «старую песню». – Комната своя, ремонт сделали, чистота, порядок, все приготовлено. Живи – радуйся, нет же –

«приспичило»! Самостоятельность подавай. Мол, ипотеку возьму! А это же «кабала» какая, да еще на взнос надо денег взять. А где? «Давай», мол, «дачу продадим». А раз я против продажи, тогда придумала – сниму квартиру и уперлась. А дача что же? Куда ездить летом, грядку посадить? Еще отец мой строил дачу-то, она там детство провела, а смотри, не жалко ей. Я – «жадина», получаюсь.

Ольга сочувственно кивнула. Правда, в этом вопросе она была солидарна с Машиной дочерью. Как-то раз они с мужем помогали соседке вывозить осенью ее небогатый урожай. Дача Ольге решительно не понравилась. Ехать пришлось долго по каким-то плохим дорогам, ни речки, ни озера рядом.

Домик был чистым, но маленьким и ветшающим без «хозяйской руки». А главное, кругом лепились еще десятки таких же домиков на таких же маленьких участках. И стояли они вдоль длинных улиц тесными и стройными рядами, перемежаясь редкими деревцами, разномастные: то ухоженные, то заброшенные, как... памятники на кладбище. Ни природы, ни уединения! Что за отдых такой? Поэтому она осторожно сказала:

– А, может, не стоит так категорично? Так-то ипотека – дело неплохое. Сейчас жизнь другая, запросы другие. Она же не «брюлики» хочет! Свое жилье никому не повредило еще. А дача? Ну что дача? Она у тебя такая деловая, еще лучше выстроит. Вон сейчас домищи какие, и участки не по 6 соток.

– А я куда ездить буду летом?

– На море, Маша, на море. Там такая красота! Чего ты себе кило морковки не купишь? Поливать все равно не можешь кататься без конца. Если все затраты учесть – морковка у тебя «золотая» выходит. А потом, ипотека все-таки лучше, чем за квартиру «дяде» платить. Тут в «свое» деньги вкладываешь.

– Ну, не знаю! Ведь вредная такая, еще и правда номер телефона поменяет.

Соседка опять пригорюнилась.

– Ладно, я пойду! Спасибо за пирог. Отменный!... Знаешь, Маш, я советы давать не люблю, это – дело неблагодарное, только вот – сколько ты уже с ней споришь, а все без толку. Возьми и согласись.

– С чем? – не поняла соседка.

– А со всем! Она тебе претензии, а ты: «Да, такая я плохая мать: и бедная, и вредная, и жадная. В конце концов, не всем же с родителями везет». А дача? Ну, что дача? То же подумай, Маш! Кстати, тут на работе Зоя Иванна говорила, что хочет дачу купить, чтоб домик был обязательно, хоть небольшой, и чтоб не сильно дорого. А ездить – у нее сын машину водит, – сказала Ольга, прощаясь в коридоре.

... Через неделю Ольга с Машей поехали показывать дачу. Они ждали машину Зои Ивановны во дворе.

– А знаешь, я позавчера воспользовалась твоим советом. Спасибо! – сказала Маша. – Сказала, что мать плохая и остальное, а потом думаю, а ведь и правда – плохая я мать.

Чему можно учить, если сам свою жизнь построил незнамо как? Чуть не разревелась, трубку повесила, а она перезванивает, «ты», мол, «не заболела»? Голос заботливый. Вот и решила дачу показать... Может, она и права. Чего я со своими взглядами «допотопными»?

– Ну, что ты! А что касается совета – тут моей заслуги нет. У меня так тетка делать любить, ей спасибо, – засмеялась Ольга. – Начинает себя обвинять, другим вроде как неудобно.

Они не договорили. К дому подъехала машина. За рулем старенькой «Тойоты» сидел сын Зои Ивановны, вполне приятный парень с недовольным и серьезным выражением лица. Мать сидела рядом с ним на переднем сиденье важная и торжественная, как будто ехала на «смотрины» его невесты.

По дороге Зоя Ивановна деловито расспрашивала Машу насчет соседей, размеров участка, о кустах. Было видно, что покупка дачи – ее давняя мечта.

– Вот решилась, наконец, – сказала она доверительно. – Раньше всё в деревню, а сейчас не к кому. Не на речку же теперь летом ездить? Коле вон тоже будет полезно. Воздух, витамины...

Слушать всё это было забавно, как будто речь шла о маленьком мальчике, а не о взрослом мужике, но Ольга в разговор не вмешивалась. Если бы не Маша, не стала бы связываться с Зоей Ивановной, которую она знала давно и недолюбливала. Была та женщиной крупной яркой, считала се-

бя честной и принципиальной. А еще любила, чтобы в любом разговоре последнее слово оставалось за ней. Ольга же считала, что это, скорее, отсутствие деликатности и хорошего воспитания. Если, например, при встрече тебе говорят: «Что-то ты сегодня ужасно выглядишь!», то кому нужна эта честность?

На участке Зоя Ивановна придирчиво осмотрела каждый куст, каждый уголок дома. Сын меланхолично ходил следом, молчал, покусывая травинку. Наконец, обход закончился, видно было, что осмотром она осталась довольна.

– Что же, за такой участок цена у вас вполне разумная. А то взяли моду – цены задирать. Здесь, конечно, запущено все, поработать придется. Но я это дело люблю, мне земля не в тягость, в деревне выросла...

– А вам, понравилось? – спросила Маша у сына Зои Ивановны.

– Да..., – неопределенно протянул он и ушел к машине.

На веранде было чисто и уютно. Присели к столу, ароматно запахло чаем, который заварила хозяйка. От чая сын Зои Ивановны вежливо отказался, ушел в машину. Завязался неспешный разговор.

– А сын-то с вами живет? – спросила Маша, которую эта проблема остро волновала.

– Конечно! Втроем живем: я, сын, муж. Квартира большая.

– Муж? – удивилась Маша. – А чего же он-то не приехал

посмотреть?

– А зачем? Мне нравится, и им хорошо. Все равно у него руки из... – она выразительно замолчала, – если что здесь подделать – нанимать придется.

– А сын?

– А ему нельзя тяжести, – твердо сказала Зоя Ивановна. – Он учится, работает, здесь отдыхать будет.

– А «моей» вот – дача не нужна, ипотеку хочет взять! – вздохнула Маша.

– Глупости! – отрезала Зоя Ивановна. – Какая ипотЭка? Я лично кредиты терпеть не могу. Да и какие же это зарплаты иметь надо? Где такие взять? У моего, вон, 15 тысяч зарплата, помогаем с отцом. Обща жить лучше. Да и баловство это – жить одному. Мало ли что! Друзья эти, девушки шас такие...

Обсуждать девушек Маша не захотела. Ольга вообще в беседу не вмешивалась. Вспомнили, что сын Зои Ивановны томится в ожидании, торопливо допили чай и поспешили к нему.

Едва машина завелась, у сына зазвонил телефон. Он коротко переговорил с кем-то.

– Виталька? – спросила Зоя Ивановна с подозрением. – И чего ему надо?

– Да... в гости зовет... решил покупку машины отметить, – нехотя выдавил сын Зои Ивановны.

– Глупости! – рассердилась та. – Ты мотаешься целый

день, завтра на дежурство, еще выпьешь там. Вечно твой Виталик что-то придумает!

Она недовольно замолчала. Машина тронулась.

«Да! – подумала Ольга.-Девушки у нее плохие! Попробуй – выйди за такого. Это же кто такую конкуренцию выдержит? Нет, наверное, в природе такой девушки. Забавно! Машина дочка вредная, а этот вот вроде и спокойный, и послушный. А что лучше?»

Довольно долго все ехали молча.

– Ну? Что решил? – прервала молчание Зоя Ивановна.

– Да...., – ее сын недовольно покосился на Ольгу с Машей. – Не пойду, наверное, устал. Машину поставлю, еще отцу обещал стартер посмотреть.

– Вот и ладненько, – повеселела Зоя Ивановна. – Я как раз курочку разморозила, сделаю, как ты любишь.

В городе женщины попросили высадить их на ближайшей к дому остановке, сами, мол, дойдут, нечего дворами петлять.

– Я жду вашего звонка и окончательного решения, – строго сказала Зоя Ивановна.

– Да-да, – поспешно согласилась Маша, выбираясь из машины. Они пошли к дому по шумной улице.

– Продам я дачу, – устало сказала она Ольге. – Посмотрела чужими глазами, правда, запущен участок, не справляюсь я одна. А Зоя Ивановна там все в порядок приведет. Энергичная!

– Ага, – согласилась Ольга. На нее тоже накатила какая-то усталость. Они прошли мимо киоска. За ним пряталась стайка подростков, парнишки весело толкая друг друга, по очереди, украдкой глотали пиво из большой пластиковой бутылки, две девчонки, затесавшиеся в их компанию, громко хихикали.

– Кто знает, как их надо воспитывать, детей этих? – сказала Маша, сворачивая в их двор.

– Ага, – снова согласилась Ольга. Она внимательно осмотрела детскую площадку. На высохшем после дождика пятаке весело топтались молодые мамы со своими детьми.

«Интересно, долго мои гуляли? Вот и выходной прошел. Вроде ничего не делала, а устала. Сейчас душ приму, кофе выпью, потом мальчика-зайчика своего выкупаю и буду весь вечер читать ему сказки», – решила она. – «Как хорошо, что он у меня еще такой маленький».

Сон

Из телевизора доносилась залихватская песня – «Даже если вам немного за 30, есть надежда выйти замуж за принца....»

– Вот слышишь, даже после 30 шансы есть, – Леля повернулась к подруге, не прекращая полировать свой розовый ноготок. – А тебе еще до этого возраста можно жить и не «заморачиваться».

– Здравсьте, – парировала Соня, – сама второй раз замужем, главное, а другим, значит, раза сходить нельзя. Я столько усилий потратила, чтобы Вовку до загса довести, – ужас! Ты же, знаешь, какой он нерешительный.

– Вот и я про то. Чего ты в него вцепилась? Нашла «принца». А вот Рената Литвинова говорит, что если за мужчину надо бороться – то это не твой мужчина.

– Конечно! – огрызнулась Соня. – Это ей бороться не надо, да и тебе тоже. Ты же у нас – «звезда»!

– Ну, вообще – держать себя в форме – целая работа, а тебе...

– Ой, не начинай! Я знаю все, что ты скажешь! Конечно, Рогов твой самостоятельный и бизнес у него, и неважно, что «в пуп» тебе дышит – от тебя он, точно, без ума! Только не говори, что это взаимно и что у вас – «бешеная» любовь.

– Я и не говорю. Вообще... влюбленный мужчина – это

такое... странное «создание»... а потом, я к нему очень хорошо отношусь. А что, с Макаровым надо было до старости копейки считать? Я тоже ведь думала раньше, что любовь-это раз! И по голове! И ты такой влюбленный-влюбленный. А что вышло? Всё какие-то прожекты, а кпд-ноль. Даже если что из него и выйдет, – в чем сомневаюсь – я ждать не хочу. Испарилась у меня любовь... от всех этих ожиданий.

– Ха! А вдруг он резко разбогатеет?

– Вдруг, сама знаешь, что бывает... ну его! Я его уже не помню.

– Ой, ли? Вон как бесилась, когда мы с брюнеткой его недавно увидели.

– Конечно, нашел... незнамо что, я ему еще...

– Ладно, не заводись, придумывай разную «мстю» если хочешь. Я не против, – вновь перебила ее Соня, – речь не о нем. К Вовке какие претензии?

– Да ну тебя! «Нравиться – ешь!» – рассердилась Леля. Полюбовавшись на пальчик, она перешла к следующему. – Можно подумать, ты в него влюблена до одури!.. Нет, чтобы человека с опытом послушать – надо самой «шишки набить». Хотя, конечно, – добавила она со вздохом, – я тоже никого не слушала в свое время. Советовать – дело неблагодарное... Вовка неплохой, только... мямля, так и будешь все на своем «горбу» тащить по жизни. А вообще-то паспорт штампом загса «испачкать» – это важно хоть разок. Когда девушки начинают: «Ой, мне не надо!» – это... забавно. По-

нятно, если не зовут – надо придумать «копинг-стратегию»!

– Чего?

– Ну, проще говоря, перед собой оправдаться! Я, типа, такая вся независимая, крутая – сама типа не хочу!

– Набралась умных слов на своих курсах. Прямо, все психологи кругом. Плюнуть некуда – в психолога попадешь.

– А что? Рогову нравится, что я занимаюсь, на разные курсы хожу. И вообще, там можно иногда полезное услышать. Например, что менять других невозможно – можно только свое отношение поменять. Вот ты думаешь, после свадьбы Вовка твой изменится? Ничего подобного. Так и останется «туфяком». Это ты сейчас рада, а потом захочется опереться на крепкое плечо – надоест ведь все самой, раздражаться начнешь, пилить его, – вон, как моя мама или твоя. А толку? Он начнет из дома бегать, выпивать... или рукой махнешь – сама бегать начнешь. Или поменяешь к этому отношение... «забьешь», короче...

– Нарисовала картину счастливой невесте...

– Конечно, правду никто слушать не любит. Твоя вот мама счастлива? Не похоже. И вот так на многих помотришь – чего замуж выходили? Тоже, поди, мечтали...

Соня задумалась. Она вспомнила свою вечно раздраженную мать, регулярно высказывающую отцу претензии.

– Нет! У меня по-другому будет. Не все же так живут.

– Конечно, не все. По мне, так лучше замуж без любви выходить, но за подходящего – чтоб состоявшийся был, цели

имел, не за мечтателя вечного, как.... Ладно! Ты что насчет платья решила? Шить будешь или готовое брать?

– Не знаю. Время еще есть. Решу.

Лёля взялась рассказывать о каких-то тенденциях и свадебных обычаях, но Соня ее почти не слышала, думая о своем. Весь этот разговор ее расстроил. Правда, у Лёли опыт, она жизнь знает.

«Может, и, правда, не надо торопиться? Вовка, конечно, неплохой, и он ей очень нравится. Но понятно, что больших денег не заработает – получает „гроши“, а всем доволен. Самостоятельно решать не любит. Мало того, еще всё маму слушает. Мама, мол, лучший друг – не предаст, плохого не посоветует. Правда, семья у него хорошая. Вот у них как раз она не видела ничего такого... Видно, что родители его живут дружно, всё вместе ходят, отдыхать ездят. Мама его на мужа смотрит – улыбается, даже если подшучивает над ним, то так – весело, беззлобно. Отец его часто цветы ей дарит. Хорошая семья».

Она когда с ними общаться начала – всё удивлялась поначалу, и ей захотелось также.

«Вовка тоже добрый и спокойный. Он, конечно, орать да обзывать не привык. Но вот только...»

Она не могла всегда понять, что не так. Может, ждет чего-то большего, выдумывает? А еще никому не признаешься, что царапает душу тот факт, что это ей пришлось с ним о свадьбе заговорить – «мол, неудобно перед родителями,

больше даже перед твоими... Дружим-дружим. Не по семнадцати лет!»

Нашла, короче, аргументы. А он совестливый... Никакой романтики не получилось.

«У некоторых ведь получается. Посмотришь фото – обзавидуешься. Что-то я не так делаю? А с другой стороны – решили и решили. А как? Кому какое дело! Придумать можно „историю“ для подружек. И свадьбу хочется. Есть, конечно, такие девчонки – кому её не надо, но большинство все равно мечтают – кольца, платье, банкет. Красиво!»

– Ой! Прикинь! Тут же Дёмина встретила – приехал к родителям в гости со своей. Посмотрела на нее – «ё-мое»! Даже мой бывший поприличнее нашел. А тут ваще смотреть не на что! Я ее так окинула – она аж в краску. А он все такой же – красавчик! Эх... где мои семнадцать лет? Он же за мной бегал – помнишь?

Лёля закончила полировать ногти. Теперь она взялась тереть свои волосы – собирать их так и сяк, крутясь перед большим зеркалом.

– Кстати, звал в гости. Наши там соберутся посидеть, поспоминать. Я пойду, а ты не хочешь? Он же тебе тоже нравился.

– Пойдем, – вяло согласилась Соня, с трудом отвлекаясь от своих мыслей.

...Через два дня вечером шумная компания собралась у одноклассника Демина, как в старые добрые времена. Ро-

дители деликатно уехали на дачу. Было весело. Демин был в ударе – шутил, пел под гитару. Его жена – худенькая невысокая девушка с узким невыразительным лицом держалась «в тени». В этой чужой компании, среди чужих воспоминаний ей было не очень уютно. Она тихо скользила от стола на кухню и обратно.

«И, правда – серая мышь. Ну, Демин! Нашел. Хотя, конечно, на вкус и цвет... а, может, беременная?» Соня внимательно оглядела ее, но ничего подозрительного не заметила, и больше внимания на нее не обращала.

Демин начал рассказывать о своих приключениях за границей, где недавно побывал – все смотрели на него. А Соня решила потихоньку выскользнуть в ванную – «поправить лицо». Было у нее подозрение, что от хохота у нее немного размазалась тушь. В дверном проеме стояла «мышка». Она любовно смотрела на веселящегося мужа. Не очень красивое лицо ее было таким светлым и таким прекрасным, что у Сони перехватило дыхание.

«Вот так выглядит Любовь!» – почему-то подумала Соня.

«Мышка» заметила ее, вздрогнула и отодвинулась. Соня вышла в коридор. Весь оставшийся вечер внимание Сони переключилось на эту пару. Соня замечала, какими нежными мимолетными движениями обмениваются они при каждом удобном случае, как разговаривая с другими, лишь при помощи взглядов и легкой мимики лица они успевают общаться. Их связывали какие-то неведомые Соне связи – тысячи

невидимых нитей.

...За Лёлей приехал муж.

– У нас переночуешь, раз твой «принц» за тобой не придет, – заявила она, – чего будем тебя отвозить через полгорода, поздно уже, а Рогову на работу рано вставать.

Соня не возражала. В коттедже, где обосновалась Леля, Соне предоставили небольшую уютную «гостевую». И через полчаса она, облегченно вздохнув, улеглась на мягкий диванчик.

«Ну и день был! Сколько впечатлений! Устала – сейчас усну».

Но сон не шел. Она снова и снова прокручивала в памяти события дня.

«Надо же! Вот как бывает. Прямо завидки берут. Повезло девчонке, а, может, Демину? А мне? ... Завидую что ли? Надо же, как люди могут смотреть друг на друга.... Нет, конечно, это не гарантия счастья. Вон Лелька выходила замуж за Макарова – аж оторваться от него не могла. А сейчас? Рогов, Рогов. Не любит его и не скрывает, а все равно – он доволен и она тоже. Живут – свои радости. А если ждать вот такой любви, чтобы голову снесло, чтобы как одно целое? А сколько?... Вдруг прождешь, а она не придет, а ты так и останешься... итак мужиков приличных найти целая проблема... Что....жеделать....».

Сон все же укутал ее мягким одеялом. Ей снилось, что она бредет по длинным и полупустым коридорам незнакомо-

го здания. Иногда она проходила мимо знакомых лиц – хохочущей Лельки, почему-то страстно обнимающей Демина, соседа-студента Валика, Макарова. Затем открывала дверь в конце коридора, и оказывалась в следующем. Ей мучительно хотелось выйти из этого лабиринта. И, наконец, она увидела окно. За ним маячил расплывчатый мужской силуэт. Лица не было видно, но Соня знала, что этот мужчина ждет именно ее.

«Вылезу в окно» – решила она. Она открыла его и стала выбираться наружу, но большое окно становилось все меньше и меньше, оно превратилось уже почти в узкий лаз, и, собрав все силы, она рванулась из него на свободу. Силуэт удалялся. «Подожди меня!» – крикнула она и побежала за ним по какому-то полю... и никак не могла догнать.

– Вставай, Соня – засоня! «Прынц» твой уже прикатил за тобой на своей драндулетке, соскучился, – Леля бесцеремонно тормозила ее.

Соня открыла заплаканные глаза. Начинался новый день...

«Розовые» очки

– Вот до чего же мы, бабы, народ глупый! Вместо того, чтобы смотреть по сторонам внимательно, выводы делать да учиться на своих ошибках. Нет! – надо своих понаделать. Сколько Людку свою учила – все без толку, – жаловалась Ольга своей подруге Альбине. – Ты же знаешь, сколько я трудов положила, чтобы ее выучить, чтобы она в люди вышла, а не вкалывала всю жизнь за копейки, как я. И что? Только обрадовалась, что ее в фирму хорошую взяли, начальство довольно. А она вон чего отчебучила! А я, главное, смотрю, занаряжалась – куда тебе! Из дому уйдет – еще парфюмами ее пахнет полчаса

Говорю: «Людка! Та, однако, с кем встречаешься. Кто такой?» – «Да так – с работы». Ну и ладно, думаю, «с работы» – значит тоже «образованный», серьезный. Пусть бегаёт. Шибко к ней не лезу. Ты же, знаешь, какая она с детства характерная. А потом гляжу – как выходные, так дома сидит или с подружкой своей куда, не знакомит ни с кем. Тут я ее и прижала... тьфу! Холостых парней ей мало. Это же надо додуматься – на работе «шуры-муры» крутить с женатиком! Попрут, опозорят еще. Ему – то что? А девчонке жизнь попортят.

– Да не драматизируй! Давно не те времена, а потом, может, еще и ничего ТАКОГО нет. На работе это часто быва-

ет. Там же большую часть времени проводим. Вот и возникают симпатии, антипатии. И чего глаза не построить «молоденьким»? Я сама, помню, устроилась в юности в контору «подработать», так замдиректора начал мне улыбки дарить да комплименты. А мне смешно. Он же отец Виталика был, помнишь, с нами в параллельном классе учился.

– Кобели! – разозлилась Ольга. – «Мой» тоже на работе тогда заулыбался в тридцать два зуба. Надо было выщелкать их ему, чтобы улыбаться нечем было. Я сколько воевала. Девчонку-то с работы выжили, а всё одно... к ней ушел. Дурак! «Седина в бороду, бес в ребро». И где сейчас «любофф всей жизни»? Бросила его «молодуха», и правильно сделала. Учить дураков надо!

– Чего ты разошлась-то? Дело прошлое.... А Люда-то, кстати, его навещает?

– Звонит, ездит, правда, редко. Ладно, хоть так. А то ведь долго простить не могла, что он от нас ушел тогда. А сама вон чего. Я и говорю – «чужой урок не впрок». И я теперь живу, как на вулкане. От каждого звонка в дверь вздрагиваю. Придет еще жена да накостыляет нам на пару. И будет права, главное.

– Ах-хаа! – рассмеялась Альбина. – А тебе-то за что?

– Что дочь правильно воспитать не смогла. Хотя я с детства ей внушаю – нельзя брать чужое, даже если очень хочется.

– Ну, знаешь, мужчина – это не вещь, все-таки. Раз он

налево смотрит – значит, что-то дома не так... нет... доверительных отношений. Жаль, если Люда серьезно увлечется таким. Раз жену обманывает, то и другую обмануть сможет.

– Вот все ты со своим доверием! – рассердилась Ольга. – Вечно смотришь на жизнь сквозь «розовые очки». А у меня всё под контролем!.. Нет, я не спору, твой, может, и порядочный мужик и сын тебе честный достался, а мне вот... врун попался, и Людка вся в него. И нечего их защищать. Кобели все и любители «вешать лапшу» на уши женам своим.

– Что, значит, может? – удивилась Альбина. – И причем тут очки? Как же можно мужу не доверять? И вообще... я еще в юности прочитала, помню, фразу, что «не доверять ближним позорнее, чем быть ими обманутым». Как-то на душу легло.

– Ну-ну! Смотри! Не рыдай потом! По себе других мерить не надо – сколько тебе об этом талдычу.

В прихожей открылась дверь, пришла Люда. Она заглянула на кухню, весело заулыбалась.

– А! Привет, тетя Альбина! Давно не были у нас. Мне кости моете? Мама успела уже пожаловаться на мое аморальное поведение?

– Привет-привет, красавица! Да я в командировке была. А мама... она не жалуется, она переживает.

– Да уж, знаю я её! Вы ей скажите лучше, чтобы свою личную жизнь устраивала, а я уж сама как-нибудь.

– Вот именно... как-нибудь! – завелась Ольга. – Мать

только учить и осталось. Ты чего там набрала полные пакеты?

– Да на природу мы собираемся, на выходные.

– С кем это? Не с «женатиком» надеюсь?

– Мама! Не начинай! – поморщилась Люда. – С девчонками поедем, да еще несколько сокурсников бывших.

– Ну-ну! Смотри мне! Я проверю – подружке твоей позвоню...

– Звони! Звони! – засмеялась Люда, убегая в свою комнату. – Там, кстати, Никита будет – любимчик твой. Можешь, если что, ему брякнуть.

Ольга довольно улыбнулась..

– Это какой Никита? – спросила Альбина с интересом. – С которым она в институте дружила? Он же тебе не нравился...

– Тогда не нравился, а сейчас нравится, – отрезала Ольга. – Знаешь, он мне такой несерьезный показался тогда, на Людкиного отца похож. Все хи-хи да ха-ха. Да на гитаре бренькать. Да еще из института ушел. А недавно сумки ташу, рядом машина тормозит. Гляжу – он. С таким почтением. До дома довез, сумки доташил.

– Ясно, «купилась», – улыбнулась Альбина.

– Да брось ты! Изменился парнишка. Самостоятельный стал, за ум взялся, у отца в фирме. А главное, я выпросила, неженатый еще. Вот я и давай вспоминать его добрыми словами. Как они в кино на парочку, да по гостям бегали.

И гуляли, и с друзьями в боулинги – шмоулинги. Не стыдно за него. И прятаться по углам не надо.

– Ну, не знаю! Если она влюбилась в другого, то ей эти разговоры бесполезны.

– Не скажи! «Капля камень точит». Пусть и не Никита, а только глядишь – задумается. Ведь, правда. Куда с «жена-тым» этим? В люди не выйти, за ручку не пройти. На ее характер ей быстро надоест.

– Может, ты и права. Никогда не знаешь, что лучше. А вот своей жизнью точно займись. Сколько можно надрываться? Люда выросла, зарабатывает хорошо – незачем столько работы хватать. Опять в кредит какой залезла?

– Дак надо на ремонт было. Устаю, правда, как собака. Щас рассчитаюсь и все!

– Да уж! Знаю я тебя. Будешь бегать, пока не упадешь. И на жизнь, смотри... ну, как-то позитивней. А то все у тебя... вруны какие-то...

– Зато у тебя все всегда хорошие, – усмехнулась Ольга. – Твой-то как, кстати?

– Да нормально. На даче все что-то строит. Прямо чудеса. Раньше не загнать его туда было...

...Стемнело. Альбина медленно шла к своему дому.

«Торопиться некуда. Прогуляюсь, все равно дома никого, а вечер какой чудный».

На перекрестке – недалеко от дома – светофор устоялся на нее красным «глазом». Мимо спешили автомобили.

В освещенном салоне одной из машин, за рулем которой сидела брюнетка, Альбина с изумлением увидела... собственного мужа.

Выйдя из ступора, она начала лихорадочно искать в недрах сумки свой телефон.

«Вот это дачник! Может, померещилось? Нет – он это. Что за ерунда? Он же на даче должен быть! Да ладно... мало ли... может, какие дела? Хотя... какие дела, ночь уже скоро.... А вдруг! А вдруг, я, правда, наивная, дальше своего носа не вижу?.. Вот ужас! Защищала еще, о доверии Ольге говорила. Вот она посмеется...»

Телефон упрямо прятался. «Да где же этот телефон? Неужели на работе забыла? Ну ладно! погоди у меня! Сейчас до дома доберусь».

Она заскочила домой, и, не снимая туфель, прошла к бару и налила себе в бокал из первой попавшейся бутылки. Желудок обожгло, в голове зашумело.

«Что же делать? Возьму такси сейчас и на дачу – поймаю с поличным. „Лучше горькая правда“ ... хотя... какая дача? Нет его там. Не с ума же он сошел на нашу дачу кого-то возить».

Накатила, вдруг, такая обида, что стало трудно дышать. Мысли в голове путались, как мухи в липкой паутине.

«Неужели у него другая? Позорище какое! Правильно мама говорила: «Доверяй да проверяй, а ты, доча, слишком доверчивая». Может быть, и правда, в «розовых очках» живу?»

Ну, не умею я подглядывать, в телефоны лазить, в карманы... Как же жить-то теперь?... Нет, не поеду я никуда. Приедет завтра – честно поговорим. Если что, я держать не буду – сразу подам на развод. Перед сыном-то как неудобно будет... и перед невесткой... скажут: «А еще учили уму-разуму, а сами...»

Из коридора раздались гудки телефона. Ольга сняла трубку и услышала недовольный голос мужа:

– Наконец-то! А где это ты интересно ходишь? Ночь на дворе! Звоню на «мобилу» – тишина, на «домашний» – трубку никто не снимает. На вечер тебя оставить нельзя, – начал он выговаривать сердито. – Как на дачу – так у тебя сразу «куча дел» дома, а как я уехал – так она где-то бегаёт допоздна. Я домой заехал – нету никого. Где жена – «гулена»? Сыну позвонил – и там нет.

– А чего заезжал-то?

– Сама мне утром – «надень новую куртку, надень»! А документы на машину в старой остались. Теперь еще штраф платить. Хорошо, что Мишки жена в город по делам ехала – подвезла да обратно с ней добрался.

– А чего она брюнетка-то? Она же рыжая была?

– Ты мне зубы не заговаривай! Причем тут брюнетка? Вас кто разберет? То вы рыжие, то блондинки, то зеленые... Я что, отслеживать должен?

Альбина выдохнула. Ей стало смешно.

– Ладно! Не ворчи! Конечно, это я виновата, что ты все

забываешь, хотя... я тоже сегодня на работе «мобильник» забыла. Да к Ольге я заехала, давно не была.

– Понятно, – муж еще немного поворчал в трубку. – Ну, ладно. Спать пошел, устал сегодня, как собака. Завтра со мной поедешь. Нечего по гостям бегать допоздна. Все! Целую.

– Ладно. И я тебя.

Ольга положила трубку. Вновь раздался звонок. Звонил сын.

– Да дома я, дорогой. Не переживай! ... Что со мной случится? Это отец навел панику. В гости к подруге зайти нельзя. Да-да... Спокойной ночи!

Она вернулась в комнату и плюхнулась в мягкое кресло.

«Ну, надо же! Смешно. Как я заревновала, разнервничалась, наслушалась Ольгу сегодня. В жизни, конечно, все бывает, но я такая, какая есть... пусть „розовые“, зато мои... Всё, сейчас почитаю перед сном... кстати, а где мои очки?... Вот ё, и их на работе забыла...».

Сосед

«Меня учить не надо...». С этой сакраментальной фразы обычно начинал все разговоры сосед Веры Ивановны по даче.

Был он сухонький, сгорбленный, как осенний бобовый стручок. Кто-то рассказал ей, что перенес он почти десять операций. Глядя на него, можно было подумать: «И в чем душа держится?» Но душа держалась, и весьма крепко. Умный и цепкий взгляд из-под кустистых бровей горел необыкновенной жадной жизни и интересом ко всему, что происходит вокруг. А «горючим» ему, видимо, служила невероятная вредность и въедливость. Сосед вечно интриговал, спорил, выяснял отношения и писал по инстанциям, потому многие предпочитали «обходить его за версту».

Между тем уважали за то, что, несмотря на «хвори», был он великим тружеником, и день-деньской сновал туда-сюда, как заведенный. За несколько лет он сумел выстроить на заброшенном когда – то участке большой дом, посадил огород, соорудил две кладовки. Дом ему, правда, построили какие-то мужички-«выпивохи», с которыми он после сделанной работы расплачивался обычно заготовленным за зиму самогоном, а вот на огороде он копался сам.

Вера Ивановна купила свою дачу рядом с ним и часто жалела о таком соседстве. Этой весной, появившись на даче,

она увидела, что неугомонный сосед возвел забор из мощных столбов, с натянутой на них сеткой «рабицей». Это было бы неплохо, не прихвати он межу, которая отделяла их участки, и еще сантиметров пятнадцать ее территории. Она сначала огорчилась, а потом ей стало смешно.

«Ну, надо же! Понятно, что человек всегда стремится иметь больше и лучше. Такова его природа. Но в молодости это понятно и хорошо, а ему зачем? Одной ногой уже понятно где, а все туда же! Говорят, что ему уже больше семидесяти... а ему дом понадобился, огород, ладно бы для детей, внуков старался, но, похоже, что они у него вполне обеспеченные. Появляются редко, смотрят на него как на „блаженного“, но не спорят, помогают. Да... „чем бы дитя не тешилось!“ Занятный дедушка, однако! Ну, его! Не судиться же с ним, в самом деле».

И она промолчала. Николаша тоже спорить не стал, соседа он недолюбливал и побаивался.

Вообще-то эту дачу купили они с Николашей пару лет назад. Одна она не решилась бы, хоть и хотелось выбираться иногда из пыльного летнего города. Но не в палатку же? Возраст не тот, да и не с кем было. Было Вере Ивановне уже сорок с небольшим» хвостиком». В молодости не «срослось», а потом она на личную жизнь рукой махнула. То мама больная была, то сестра родила без мужа. Вера Ивановна помогала воспитывать племянника, была вполне довольна жизнью. А вот случилось, чего не ждала. Появился в ее жизни Нико-

лаша.

Он ушел от жены, жил с матерью, к ним на предприятие устроился водителем и обратил на Веру Ивановну свой «благодарный взгляд». Она не обманывалась, что немаловажным ее достоинством была небольшая, но трехкомнатная квартира, в которой она жила одна. Хотя и хозяйка она неплохая, и не «уродина» какая, но, понимала она, именно квартира сделала ее в глазах Николаши очень даже привлекательной женщиной. Такое случалось уже раньше. Но тогда, понимая цену ухаживаниям, она их отметала, а в этот раз, все понимая, не стала возражать. Николаша быстро перебрался к ней, и они неплохо стали жить вместе.

Вообще, браки по расчету бывают очень крепкими. Страстей поменьше, а главное, почти нет иллюзий относительно друг друга, а, следовательно, меньше разочарований. Николаша выпивал только в праздники, любил порядок, сам готовил и неплохо. И, если честно, было странно и приятно ощущать себя «замужней дамой», хотя о загсе разговоров не было. Но это неважно, сейчас это даже модно, вполне в духе времени.

Дачу предложил купить Николаша (продавал её недорого его знакомый за ненужностью). Заплатила за домик она, но Николаша сразу же оговорил, что раз записали всё на него (так было удобнее и меньше волокиты), то деньги он ей частями будет возвращать на карточку с каждой «получки». И слово держал. Вере Ивановне казалось неудобным разво-

дить какие-то счета, раз они теперь «семья», но он был мужчиной, значит, знал лучше, как поступать.

Домик был небольшой, недостроенный, но место им понравилось, и два лета они трудились там, как «пчелки». Николаша достраивал дом, а Вера Ивановна наводила чистоту и занималась огородом. Это занятие ей понравилось. Особенно радовали её первые всходы, робко пробивающиеся на «белый свет». Она полюбила сажать кабачки, которые буйно разрастались лопухами, собирать смородину с огромного куста и искать какие-то необычные рецепты заготовок. А еще ей понравилось неспешно пить чай на маленькой веранде. Тюлевая белая занавеска колыхается от свежего ветерка, солнце пригревает. Тишина, красота!

...Но прошлым летом все пошло «наперекосяк». У Николашиного сына начались проблемы. Вернее сказать, они у него и не заканчивались. Сын Вере Ивановне не нравился. Он регулярно заходил к отцу за деньгами, но дальше порога обычно не проходил, а молчаливо ждал в коридоре, пока отец суетливо доставал деньги из своих «схронов», оглядывал Веру Ивановну неприятным мутным взглядом и кривил в ухмылке рот.

Сын Николаши был женат, а в этом году вроде как ожидал «прибавления» в семействе. Николаша с ней обсуждать эти темы не любил, на свадьбу ходил один, звонил без конца бывшей жене, и из обрывков его разговоров стало понятно, что связаны нынешние проблемы сына с наркотиками.

В конце июня, Николаша, виновато пряча глаза, объявил Вере Ивановне, что, мол, поживет его сын на их даче. После лечения надо вырвать, мол, его из привычной среды, делом занять. Вера Ивановна так опешила, что не нашлась, что сказать. Было обидно, что все решалось без ее участия, жалко свой домик и огород, но было также понятно, что дети – это «святое». Сына Николаша очень любил, а кто поможет в трудной ситуации, как не отец?

– А поливать, полоть? – спросила она.

– Так я буду ездить, – ответил Николаша. – Не оставишь же его без присмотра? А ты можешь к сестре пока ездить помогать, раз она тоже дачу купила.

Вера Ивановна поплакала украдкой, но смирилась. И Николаша стал ездить на дачу один, иногда оставался там ночевать, а осенью ушел от нее совсем, с предприятия тоже уволился. Это её уже не удивило, но огорчило до крайности. Вроде ничего плохого она не сделала. Можно же было объяснить по-человечески, а не воровато увезти свои вещи, пока ее дома не было. Впрочем, он позвонил ей позже и деловито объяснил, что остатки денег за дачу он ей вернет при первой же возможности, а сейчас трат не меряно, потому что родился внук, и поспешно попрощался.

Вот так и исчез он из ее жизни, но Вера Ивановна долго сетовать не стала. Хорошо, что был, заботился, как умел, давал ощущение значимости, нужности. Все в жизни меняется! А деньги? Ну, что деньги? Не в них счастье. Может и вер-

нет еще – надо людям верить.

...Этим летом Вера Ивановна стала ездить на дачу к сестре. Без огорода было уже «неуютно», да и племянник требовал присмотра, и вообще – вместе веселее.

В автобусе, везущем «садоводов-любителей» было многолюдно и душно, но Вера Ивановна успела занять местечко возле окна. На следующей остановке набилось еще больше народу, и вдруг, она услышала знакомый голос:

– Меня учить не надо, что мне делать.

В «переднюю» дверь автобуса втиснулся бывший сосед. Две сумки, связанные веревочкой были за его плечами, а за собой он волок испуганную собачонку в наморднике.

– Куда еще с собакой? – заверещала недовольная старушка в проходе, но он так грозно «зыркнул» на нее, что она мгновенно осеклась. Молодая девчонка подпрыгнула с места возле Веры Ивановны, и «сосед» плюхнулся рядом. Поставив сумки на пол и, пристроив собачонку под колени, он посмотрел на Веру, узнал и довольно улыбнулся.

– А, соседка! – сказал он вполне по-приятельски, хотя раньше разговоров они не вели, лишь здоровались при встрече. – На дачу? Решились-таки разборки навести?

– Нет! Что вы! Я к сестре! Она в дальнем садоводстве, в «Огоньках».

– Понятно, – разочарованно выдохнул он. – Другой «хомут» нашли... А зря вы, ей-богу! Вкалывали, вкалывали. Я же видел, сколько вы ворочали на участке, а вот здрасьте –

попустились. И остались не причём! ... Жена – то у него, правда, тоже работающая, ниче плохого не скажу, уважительная. Вот ведь как бывает, сошлись снова. Теперь живут обое на даче, дом утеплили, даже кроликов завели. Они квартиру-то сыну отдали, невестку штоб с внуком вернуть. Тока надолго ли? Пропаций сынок – то. Срывается всё одно, а оне мечутся, штоб совсем «салазки не загнул». Ох уж эти наркоманы... Чего лечить? Сажать их и всё... или отстреливать...

Слушать это Вере Ивановне было неприятно, но что было делать? Она молчала.

– А чего же это вы, голуба? Судиться надо было! – переключился он на нее.

– Ну что вы, какие суды!

– А и ничего, ну и што, што на себя все записал. Умный! Хозяйство совместно вели? Вели. Свидетели имеются. Не отсудить, так нервы бы помотали, штоб в другой раз неповадно было. А вообще это глупость бабская, без росписи жить. Вот я внучке говорю, язык смозолил. Да кто теперь старших слушает? Обставят вот так, останется с носом. Обязности вроде есть, а прав-то нету.

Вот уж эту тему обсуждать, да еще в набитом людьми автобусе, было немислимо, поэтому Вере пришлось быстро перевести разговор в другое русло.

– А вы-то как?

– Строюся помаленьку. Вот на собрании выбрали казначеем, – горделиво сказал он. – Поднял вопрос, куда взносы

уходят. Собрали осенью, а дорогу не отсыпали. Пришлось разбираться. Теперь ни копейки не утащут! И всем удобно... я же на месте все время... Шас вот собаку завел. Не шибко злая, но пошумит, ежели что, – кивнул он на собачонку, уткнувшуюся в его несоразмерно большие узловатые натруженные руки, сложенные на коленях.

За поворотом показалась остановка. Сосед стал пристраивать свои сумки.

– Нет, зря вы попустились! Со мной так поступи, так я бы... сжег эту дачу к такой матери! Пушай бы новую строил. Но вы добренькая, все сглотнули, а иногда надо и зубы показывать. Если надумаете все же, я в суд свидетелем приду.

«Надо же! Заступник нашелся! Этот бы точно сжег! Старая закалка. А, вообще, молодец! Труженик... уж сколько всего пережил... и ничего... не сдается».

– Ну, прощевайте, – сказал сосед и, дернув собачонку, энергично стал пробиваться к выходу.

– Всего вам доброго, удачи вам! – тепло попрощалась с ним Вера.

Автобус бодро «попылил» дальше по дороге. Она задумалась:

«Молодец, сосед! Но он такой, а я другая... Вот почему, интересно, доброту и деликатность люди расценивают, как слабость? Не могут все быть деловыми, энергичными, рвать друг у друга из горла. И потом, зло порождает только зло.

Это ведь так просто! Неужели я, и, правда, такой кажусь дурочкой беззащитной? Уступить и отойти в сторону – в этом быть может больше силы... и, вообще, в чем сила? – идти по головам или уступить?»

...После выходных на работе было просто невыносимо. За окном припекало, кондиционер «плакал», разгоняя жару, но все равно было душно, и полусонная Вера Ивановна вяло печатала очередную сводку. Ее трое коллег тоже тихо работали, когда в дверь заскочила энергичная начальница. Она была молодая, амбициозная и любила показать, «кто в доме хозяин», придираясь к каждой цифре отчетов.

В этот раз «девочкой для битья» стала Вера Ивановна. Начальница начала ей выговаривать, по обыкновению, на повышенных тонах. Обычно Вера Ивановна не спорила, но сегодня – то ли от духоты, то ли от вчерашних своих дум, – она поднялась, со стула и тихо сказала:

– Не надо меня учить! Я на этом месте уже почти пятнадцать лет работаю, и работу свою знаю. Но если вам не нравится, как я все делаю, просто скажите, и я найду другое место.

В кабинете повисла напряженная тишина. Начальница удивленно сглотнула, но быстро овладела собой, и, снизив тональность на пару октав, заверила Веру, что «работой ее все довольны, и все ее ценят, и нечего нервничать из-за ерунды, и что жара и правда действует всем на нервы». После ее ухода все помолчали еще немного...

– Аплодируем стоя! – сказала, наконец, немолодая бухгалтерша, сидевшая за соседним столом.

– А то! – подмигнула ей Вера Ивановна и, сев на место, весело застучала по старенькой клавиатуре.

«Приёмьшка»

*Любимой мамочке
Людмиле Григорьевне
посвящается*

Белый петух вяло клюет что-то в придорожной пыли. Люсенька сидит на крылечке и смотрит на него. А на что еще смотреть? Напротив крылечка серый сарайчик, по улице с чахлыми деревцами никто не идет. Сегодня во дворе скучно, жарко, все ребятишки убежали на речку. Это далеко, а она еще маленькая, её не взяли, да и ножки у нее устают быстро. Вот и приходится смотреть на петуха.

Из дома доносится стук машинки. Это «мама» «работает». Люсенька начинает думать о «маме», которая нашла её и о другом «доме», где было много ребятишек. Она вспомнила высокий-превысокий забор, длинные коридоры, и комнаты, в которых много кроватей. Еще в «доме» была высокая лестница, и по ней надо спускаться в столовую, где кормят. По коридорам, на прогулке и по лестнице её водила за руку большая девочка. Обычно каждое утро Люсенька крепко хваталась за неё и не отпускала весь день.

Люсенька помнит, как они медленно спускались по страшной лестнице, останавливаясь на каждой ступеньке, а мимо с криками и шумом летели ребятишки, потому,

что повариха в белой шапочке кричала громко: «А сегодня всем дам добавки, кто быстро кашу съест». Потом за большим столом все громко стучали ложками, а Люсенька тоже пыталась «быстро», но давилась кашей и всё боялась, что ей не дадут добавки, а потом ей опять захочется кушать, и надо будет долго-долго ждать обед.

Но однажды большая девочка привела её в кабинет, где было много тетенок. Одна из них сказала: «Ну, что я тебе говорила? Смотри, как на тебя походит! Люсенька, закрой глазки! Смотри, какие у неё ресницы!». Люсенька послушно закрыла глаза, старшая девочка еще крепче сжала её руку. Тётенки о чем-то долго разговаривали, а потом Люсеньке сказали: «Вот твоя мама, она за тобой приехала». Люсенька удивилась. Про мам она слышала часто, и сама «маму» ждала, как и все дети в «доме». И вот она пришла. А что такое «мама»?

Большая девочка страшно выла в кабинете, потому что теперь вместо неё Люсеньку за руку взяла «мама» и увела её из большого «дома».

«Мама» оказалась большой тетенькой со строгим лицом, но добрыми глазами. Она повела Люсеньку в магазин, купила ей новые туфельки и конфет. И магазин, и конфеты, а особенно туфельки Люсеньке очень понравились. Но когда они пошли по дороге, она вдруг увидела знакомый высокий забор. Тогда она упала на коленки, громко закричала, задыхаясь: «Не пойду, не хочу». «Мама» растерялась, но всё по-

няля. Она подхватила её на руки и твердо сказала: «Больше ты никогда туда не пойдешь, мы идем мимо забора на станцию, там сядем на поезд и поедем домой, где тебя все ждут. Да?». Люсенька кивнула и крепко обхватила её шею. И они стояли так, пока она совсем не успокоилась, а потом пошли на станцию, и пыхтящий «тутукающий» поезд увез их далеко... и от забора, и от большого «дома».

...Рано утром они вышли на станции. К вагону подбежали какие-то люди, черноволосая девочка и несколько мальчишек. Девочка обняла Люсеньку и сказала: «Меня Нина зовут. Как хорошо, что ты нашлась, мы все тебя ждали». И все обнимали Люсеньку. Тётенки были похожи на «маму», и глаза у них тоже были добрые, и тогда она подумала, что это, наверное, тоже её «мамы».

Два дня она называла «мамой» всех тётенек, которые ласково гладили её по кудрявой голове. Они смущенно улыбались, но первая «мама» строго сказала ей: «Это твои тётки, а мама у тебя только я, потому что мама у каждого одна, и дом у каждого один». «Вот как», – подумала Люсенька испуганно. И стала послушно называть «мамой» только её.

Новым «домом» оказалась большая комната с печкой и темными сенями, которые вели на невысокое крылечко в две ступени. Таких комнат и крылечек было ещё несколько. И все они вместе назывались одним странным словом – «барак».

Оказалось, что в «бараке» живет много людей, и тетка

Арина с Ниной и мальчишками. Но у них в комнате стоял только стол, лавка, да сундук, а у «мамы» «дома» еще стулья, комод в углу и большая кровать. На ней подушки горой с белыми «накидушками». А еще перед окном – большая машинка на толстых ножках. Если машинка быстро стучит: «Тух-тух-тух, тух-тух-тух», значит мама «работает».

Утром Люсенька обычно просыпается под этот стук. Она натягивает на голову одеяло и лежит так еще немного. С «мамой» хорошо. Она уже знает, что как только позовет: «Мама!», та тотчас поспешит к ней, поможет одеться, умыться, а потом поставит перед ней на стол жареные яички или пирожки, или большую тарелку какой-нибудь каши. Люсеньке особенно нравится желтая пшенная, потому что «мама» щедро поливает её маслом из большой бутылки, а еще посыпает сахарком. Масло медленно растекается ручейками, и ложкой можно черпнуть там, где слаще. Вкусно, и никто не торопит, и не страшно за «добавку».

А еще ей нравится, что теперь у неё есть своя большая кружка – синяя с белыми кружочками, в которую ей молоко наливают. И не только кружка, у неё есть теперь свои игрушки, книжки, мячик и разные бутылочки из-под духов, а главное – самая красивая кукла, которую можно раздевать и наряжать в разные платья. «Мама» сшила много платьев кукле из лоскутков, и Люсе тоже сшила платья. «Мама» всё умеет.

И с «мамой» не страшно вечером, когда за окошком становится темно. Светит керосиновая лампа, «дом» наполня-

ются разными звуками. Теперь Люся знает – «мама» рассказала – что в печке «щелкают» угольки, а суп в кастрюле «булькает», а картошка на черной сковородке «шкварчит». Печку надо «топить», а когда протопится – оттуда надо выгresti золу. Люсенька любит смотреть, как «мама» берет железную палку – «кочергу», и сыплет золу в железный совок. Иногда выскочит из печки вместе с золой еще живой уголек, упадет и рассыплется яркими искрами.

После ужина «мама» обычно читает ей книжку с картинками или говорит: «Давай, почитаем письмо от папы». Она достает железную коробку из верхнего ящика комода. В коробке несколько бумажных треугольников. Бережно развернув один из них, она негромко читает вслух. «Папа» всегда пишет, что очень рад, что его Люсенька нашлась, спрашивает, как она кушает, как растет, а еще пишет, чтобы не волновались, всё у него хорошо, и про дом, который он непременно построит для Люсеньки, когда придет. А потом они ложатся спать, и Люсенька прижимается крепко к «маминому» теплому боку. Хорошо! Теперь у неё есть и «мама» и «дом», и ребяташки во дворе, и тетки, и даже этот петух, и...

Смотри, совсем девчонка сомлела на солнце...

– Это Линина, што ли, «приёмышка»?

– Она, она, сиротинка. Чистый одуванчик: голова большая кучерявая, глазищи огромные, а ножки худенькие, кривые, всё на крылечке больше сидит.

– Рахит. Ниче-ниче, были бы кости – мясо нарастет. Вы-

правится, еще первая красавица будет! Молодец, Лина, смелая!

– А чего ей не взять сироту, раз не дал им Бог детишек с Григорием. Арина рассказывала, што они давно порешили взять девочку. А потом сродственница ихняя при детском доме в Ачинске устроилась на работу. Вот и отписала им, девочка, мол, есть маленькая, на Лину шибко лицом похожая. Правда, пока бумаги делали, с Григория «броню» сняли – не видал дочку-то ещё, зато Лина теперь не одна. Бегаёт с ней, как молоденькая. Хош племяшей «полна коробочка», а всё одно – своего родного хочется.

– Зинка Вольных тоже мальчонку привезла, и Парфеновы сразу двух пацанов забрали. Говорят, ужась, што творится. Везут и везут сиротинушек цельными вагонами в Сибирь. Клич кинули, многие берут ребятишек. А чего? Где двое – там и трое прокормятся.

– Дак чего им не взять? А куда возьмешь, коли своих четверо? Не знаешь, што им в рот положить. А потом и боязно. Прикипишь к нему, а война закончится, родитель какой объявится. Тогда што?

– Ну, и што с того? Объявится кто живой сродственник – можно поладить. А так-то нам грех жаловаться. Огороды, вон, растут, картоха, живность. Не под бомбежками живем.

– Слышь, Арина говорила, што эта не с эвакуированных похоже, а с довоенных.... Видать «политические» родители-то были. Помнишь, поляков ссылали? Их ..., а ребятишек

в детдом. Метрики-то пустые были у девчонки – ни отца, ни матери не вписано. Даже рождение ей Лина своё поставила.

– Ой, тише ты! Арина-болтушка, скажу ей. А то укоротят язык... Политические или нет, нету нам дела, дети не в ответе.

– Да... жалко их. Вон, как жисть ихние судьбы перемальвает. Утрачиваются корни. Ладно, ежели свезет, как этой, а ежели нет? Вырастут, куда голову преклонить? Намыкается по жизни без отца-матери. Да еще война эта проклятушая. Мой как ушел, еще ни одной весточки не было...

– Ладно, запричитала, напишет. Где им там письма-то писать, когда бои, вон, какие! Ничего! «Перемелется – мука будет».

Разговор тревожит Люсеньку, она хочет открыть глаза, но они почему-то не открываются...

– Ой, Лина, здравствуй! – слышит она. – А мы глядим, спит «приемышка» твоя.

Сквозь сон Люся слышит, как мама негромко, но сердито и твердо говорит:

– Какая еще «приемышка»? Чтоб я этого больше не слышала. Это моя дочка, моя и Григория. Так и запомните!

– Ага! Ага! – быстро отвечают голоса.

Сильные мамины руки подхватывают Люсю.

«Мама», – бормочет она, – моя мама, – и, успокоившись, засыпает в её крепких объятиях. Мама уносит её в прохладный дом.

Петух, наклевавшись, тоже спешит в тень крылечка, спасаясь от зноя. Стоит жаркое лето 1942 года.

Поход

... *Viam supervade vadens...*

«Дорогу осилит идущий»

Латинская пословица

Тропинка петляла то влево, то вниз, то лезла на горку. Вчерашний дождь сильно размыл ее. С трудом переставляя ноги и изредка поскользываясь, Алька брела по ней с огромным рюкзаком за плечами. «Еще свалиться не хватало, вот цирку будет». Рюкзак все сильнее и сильнее гнул к земле, в ботинках хлюпала вода. Мало того, что на турбазе для похода ботинки выдавали на несколько размеров больше – поскольку на изящные ножки расчета не было – так еще оказались они непрочными, промокли в первой же луже и теперь висели на ногах, как гири.

«„Кой черт занес вас, сударь, на эти галеры?“ Вместо того, чтобы нежиться где-нибудь на пляже, потащилась на турбазу, в поход. Умора! Любительница природы».

Народ в группе был подготовленный, «бывалый». Туристы бодро и весело шагали по лесу, карабкались по склонам, разводили костры, сноровисто «разбивали» палатки.

«Сейчас уже, наверное, ужин готовят. А я тут плетусь, ладно хоть не самая последняя».

Самая неподготовленная девчонка, тоже непонятно зачем потащившаяся по маршруту, шла индивидуально со вто-

рым инструктором. И хотя основную часть времени он нес еще и ее рюкзак, она без конца требовала привал, задыхаясь от усталости. Инструктор терпеливо ждал – наверняка проклиная в этот момент всех горе – туристов вместе взятых – но... бросить ее, понятно, не мог, как и вернуть на базу. Подходили они на ночевку обычно к моменту, когда все уже поели и разбрелись на отдых в свои палатки. Алька же приплеталась к моменту, когда ужин еще готовился. Над ней весело подтрунивали, но, без всякого недовольства. Видели, что хоть ей и тяжело с непривычки, но она упорно идет и не жалуется.

«Вот и жизнь у меня, как эта тропинка – то прямо, то вниз, то влево. Все петляю, как заяц. Пора ведь уже определиться. Третью работу сменила за пять лет. Вечно везде чувствую себя, как в гостях. Сижу на общих планерках и думаю – а что здесь делаю? Все проблемы с жаром обсуждают, а мне плевать. Лишь бы деньги платили. Конечно, не всем везет в жизни определиться сразу, понять – в чем их предназначение, но ведь не девочка уже. Институт позади, куча контор, где отметилась, а все в поиске».

Мысль о том, что после похода снова придется возвращаться в свою пыльную контору, оптимизма не добавила.

«Нашла о чем думать!» – рассердилась Алька сама не себя. – «Что за мода бежать вечно „вперед паровоза“, идешь и иди, наслаждайся так сказать...».

Все говорили ей о каком-то «втором» дыхании, но оно ни-

как не приходило, а вот «первого» уже оставалось на пару вдохов – выдохов.

Вдруг впереди она увидела фигуру, быстро двигавшуюся ей навстречу. По яркой красной бейсболке она узнала Сашку из их группы. Бодрым шагом он приближался к ней. «Вот уж кто устали не знает», – позавидовала она. Обычно он убегал впереди самой передовой группы туристов, исследуя местность и подбирая место для ночлега.

«Наверное, что-то важное обронули по дороге, вот и послали самого быстрого поискать». Но Сашка остановился возле нее, и она поняла, что он вернулся ей помочь. Это было неожиданно и приятно, но разобраться в своих чувствах не было сил. Она отдала ему рюкзак, он легко закинул его за спину, и они пошли по склону.

– А ты упорная! – уважительно сказал Сашка. Но Алька уже так устала, что поддерживать светскую беседу не могла.

Она лишь поблагодарила его, и в полном молчании они добрались, наконец, до стоянки.

...Через пару дней, преодолев перевал, все спустились в удивительную долину огромного количества целебных источников – райский уголок, надежно спрятавшийся среди высоких гор. Отдых был рассчитан на четыре дня. Наконец можно было перевести дух после изматывающей ходьбы, помыться, а главное, подлечить ноги. На них Алька смотрела со страхом. Были они стертые до крови и распухли, как два больших «бревна» так, что огромные ботинки стали почти

по размеру.

За время пути она подружилась с двумя веселыми девчонками, с которыми делила палатку. Дни проходили весело. Вечерами народ пел песни у костра. Романтика. Возникли симпатии, антипатии. Особенно их с девчонками раздражала высокая некрасивая Наташка, – туристка из Киева – которую меж собой они звали «генеральшей». Она любила раздавать всем поручения командирским голосом. И хотя, ее никто «старшей» не выбирал, спорить вроде не было смысла, поскольку готовила она очень вкусно и четко знала, что и как надо делать. Больше всего девчонок смущал тот факт, что с первого дня похода она ночевала в палатке красавца-инструктора, хотя все видели, как на базу к нему приезжала молоденькая жена с дочкой.

«Надо же! – совсем без комплексов».

Дни отдыха пролетели быстро, как и все хорошее в этой жизни. Ноги слегка поджили, но об обратной дороге Алька думала с содроганием. Инструктор, оглядев их утром, решил придерживаться индивидуального темпа. Не только Алька и вечно плетущаяся в «хвосте» туристка не выдерживали общего темпа. Не очень хорошо чувствовала себя «бывалая», но немолодая туристка, а двое – «потянули» связки, занимаясь исследованием близлежащих гор.

...Когда Алька неспешно пошла за группой, Сашка, вдруг, пошел рядом с ней, а не побежал по обыкновению впереди всех. Все дни отдыха он держался особняком, в ос-

новном бродил по горам, возвращался только к ужину и ровно общался со всеми, никого не выделяя.

Погода была дивная, виды вокруг сказочные, рюкзак почти не ощущался, на душе было хорошо. Незаметно они разговорились совершенно откровенно, как попутчики в поезде, которые знают, что скоро каждый выйдет на своей станции и больше не увидит собеседника. Сашка рассказал, что женат, что недавно родился сын, и что жена терпеть не может все его походы.

– Я ее люблю, со школы дружили. Раньше ничего, а как поженились, стала дергаться. Взял ее с собой как-то – думал приобщить – так всю дорогу она меня изводила. Любит она комфорт, да родила еще. Понятно, ей надо, чтобы я все время рядом был. А я помогаю и стараюсь, и зарабатываю хорошо, но только так все достанет иногда – беру отпуск и еду куда-нибудь. Обычно я и с группами не хожу, а сам по себе. Не могу все время в городе сидеть – сорваться могу, а расслабляться в саунах да с пивом не привык. Соскучусь, домой лечу, а она дуется, ворчит. Ну как не понимает, что если дома засяду – сопьюсь, наверное. Бродяга я в душе. Цыганские корни...

Он, и, правда, походил на цыгана копной черных непослушных волос, смуглой кожей и большими карими глазами. Алька опыта семейной жизни не имела, поэтому комментировать не стала.

«Кто их знает, как надо строить эти семейные отношения?»

Вроде любовь и все такое, а потом раз! – и разбежались, или ругаются-ругаются, но все равно живут. У каждого все по-своему складывается».

– А я тоже бродяга, – призналась она Сашке. – Только чуть подкоплю денег – еду куда-нибудь. Люблю аэропорты, вокзалы, незнакомые города. За границей, правда, не была – дороговато, но и у нас страна огромная – есть что посмотреть. Это в такие походы – в горы, я не ходила, да и не пойду больше. Не мое это. Красота, конечно, романтика, но не приспособлена я к такому отдыху. Наверное, я «одомашненный» турист, а ты вот «дикий».

Они посмеялись.

– А вообще, я завидую девушкам в «телевизоре». Недавно смотрю – пляж, сидит такая вся, омара ест и вещает про красоты данного острова. Вот жизнь! И на отдыхе, и деньги еще за это получает, типа «при делах», вроде как уработалась, омара пережевывая. Не на свои копейки катается. А чего тебе, кстати, не найти работу, чтобы ездить и зарабатывать, и жена успокоилась бы – на работе, к чему придерешься?

– А чего бы и тебе не найти?

– Мне? – Алька изумилась. Такая мысль никогда не приходила ей в голову. – Я не журналист, английский знаю плохо, ну, и не красавица к тому же.

Сашка внимательно посмотрел на нее. Ее это смутило. Выглядела она неважно: волосы висели сосульками, лицо

было потное, красное.

– Ты вполне ничего, а главное, умная и упорная. И проблемы свои не любишь на других перекладывать. А английский? Подумаешь! – курсов полно. Учиться вообще нужно всю жизнь.

– Никогда не думала...

– Подумай! Чего тебе терять? Ты свободна – можешь делать, что захочешь, не то, что я...

Следующие два дня пути они так и шли бок о бок, рассказывали друг другу разные смешные истории, но этой темы больше не касались. Когда она уставала, они делали короткий привал, а потом Сашка говорил:

– Пойдем! Виам супервадет ваденс.

– А что это за фраза такая?

– Выражение латинское, Это мой девиз! Интересно будет – найдешь перевод.

.....На турбазе группу встречали, как героев. Все знали, что этот маршрут не из легких. По установленной традиции полагалась баня, а потом вечеринка в столовой. Алька, наконец, привела себя в порядок – уложила феном свои роскошные волосы, достала косметичку и подкрасила глаза.

Увиденное в зеркале ее порадовало: она похудела, лицо немного осунулось, и глаза на нем стали выглядеть больше, а взгляд стал каким-то.... одухотворенным. Когда она пришла, почти вся компания сидела уже за накрытым столом. Ее встретили возгласами удивления и восхищения – было

приятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.